

На правах рукописи

ЛИТВИНОВА Татьяна Николаевна

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД)

Специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва, 2016

Работа выполнена в Центре политологии и политической социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социологии Российской академии наук

Научный консультант – **Железняков Александр Сергеевич**

доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии ФГБУН Институт социологии Российской академии наук

Официальные **Иванов Вилен Николаевич**

оппоненты:

доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», ФГБУН Институт социально-политических исследований Российской академии наук

Авксентьев Виктор Анатольевич

доктор философских наук, профессор, заведующий отделом политологии и конфликтологии ФГБУН Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук

Рябова Елена Львовна

доктор политических наук, профессор, главный редактор АНО Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура»

Ведущая организация: Региональный центр этнополитических исследований ФГБУН Дагестанский научный центр Российской академии наук

Защита состоится «29» ноября 2016 года в 14:00 на базе диссертационного совета Д 212.203.20 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198 г. Москва ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп.2, ауд. 415.

Диссертация и автореферат размещены:

1. На сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации: www.vak.ed.gov.ru
2. На сайте Российского университета дружбы народов: <http://dissovet.rudn.ru>
3. В информационно-научном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198 г. Москва ул. Миклухо-Маклая д.6.

Автореферат разослан 20 сентября 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат политических наук

Д.Б. Казаринова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Демократические преобразования в современных государствах зачастую сталкиваются с политизацией партикуляристских групповых идентичностей, основанных на этнических, религиозных, культурных и социальных различиях в обществе. При обустройстве полиэтничного государства одной из ключевых тенденций остается противоречие между обеспечением единства и целостности универсалистского по своей форме нации-государства (nation-state) и стремлением к сохранению самобытности и самостоятельности отдельных этнических групп, их институционализацией, а вследствие этого фрагментация и дестабилизация социально-политического пространства. Отсюда выявление детерминантов политической стабильности, кроме всего прочего, должно быть связано с анализом институтов, посредством которых этнические сообщества реализуют свои права и интересы. Этнический фактор может адаптироваться, гармонизироваться с социально-политическими реалиями, а может вступать с ними в конфликт. Эта проблема требует дальнейшего развития концептуально-теоретического аппарата и углубления научного дискурса современных гуманитарных исследований.

Не менее актуальным в этой связи является поиск оптимальных форм территориального устройства полиэтничных и многокультурных государств. Наиболее эффективной формой принято считать федеративную систему, которая к современному этапу накопила богатейший теоретико-практический запас сведений и активных знаний. Вместе с тем, федеративные государства в XXI веке не являются чем-то устоявшимся и постоянно сталкиваются с требованиями автономизации, децентрализации, регионализации и даже сецессии со стороны своих территорий, как по этно-религиозным, так и социально-экономическим мотивам. Принципиальная важность учета активности негосударствообразующих этносов, выступающих за территориальное самоопределение, требует осмысления их политических стратегий и тактик создания организационных структур, легитимирующих их действия в глазах международного сообщества и общественного мнения. Назрела необходимость обобщения и систематизации феномена политической институционализации этнических групп в составе федеративного государства, которые все чаще заявляют о своих растущих политических, экономических и территориальных притязаниях. В этой связи немаловажным является внимание к вопросу о социально-экономических основах федеративного государства в целях преодоления различий регионального развития и изъятия экономических проблем из повестки протестных настроений.

Важным аспектом политической организации многосоставных обществ выступает композиция власти – участие этнического сегмента в управлении страной. Инклюзия и эксклюзия представителей этнических меньшинств во власть, а также формы их включенности и исключенности выступают актуальным вопросом политической науки. Очевидно, что нарушение индивидуальных и групповых прав, в том числе права политического участия по этническому основанию провоцирует серьезные конфликты.

Переосмысление институциональных особенностей политических процессов в полиэтничных обществах с учетом современных тенденций и поиск путей сохранения нации-государства, как гаранта международного права и порядка обретает сегодня новую смысловую нагруженность. Политизация этничности, проблемы территориальной организации и композиции власти в многосоставных обществах задают ранее не до конца конкретизированные ориентиры научного исследования, неразрывно связанные с вопросами национальной и глобальной безопасности.

В этом контексте не является исключением и Российская Федерация. В период становления новой Российской государственности наша страна постоянно сталкивалась с серьезными трудностями, связанными с бурно протекающими региональными социально-политическими процессами, разнообразием культурных, мировоззренческих традиций и укладов различных народов, проживающих на ее территории. В силу полиэтничности российского общества, одной из важнейших задач государства в области внутренней политики становится обеспечение согласования общегосударственных интересов и интересов населяющих Российскую Федерацию народов, налаживания их всестороннего сотрудничества, развития языков и культур, выработка эффективных средств и методов преодоления межэтнических и федеративных противоречий.

В этой связи актуальным представляется изучение политических процессов на Северном Кавказе. Это регион России, отличающийся высокой концентрацией субъектов федерации, населенный множеством разных народов, говорящих на десятках языков и диалектов, и, характеризующийся наличием значительного числа межэтнических и общественно-политических проблем, которые периодически перерастают в противоречия и конфликты, как на региональном, так и на федеральном уровне. Под «Северным Кавказом» в данной работе подразумеваются республики Северо-Кавказского федерального округа и Республика Адыгея. Хотя в 2010 г. она не вошла в состав вновь образованного СКФО, по существу проблем и характеру протекания социально-политических

процессов, Адыгея, на наш взгляд, ближе к так называемым «национальным» субъектам Северного Кавказа, в отличие от Ставропольского края и соседних регионов Южного федерального округа.

Исторически народы Кавказа поддерживали с Россией торговые, политические и культурные отношения. После присоединения к России проблемы безопасности и социально-экономического развития Северного Кавказа стали ее внутренними проблемами.

В современных условиях особую значимость приобретает совершенствование федеративных отношений, приоритетной задачей становится социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации в процессе упрочения ее государственности, сохранения целостности, сплочения этнических сообществ и их консолидации в единую политическую нацию. Политизация этничности, институционализация партикуляристских групп на основе этнической или религиозной идентичности, возникновение многочисленных конфликтов и угроза терроризма, существующие на Северном Кавказе, требуют пристального внимания к этому региону со стороны ученых и политиков-практиков.

Актуализация этнического фактора в современной России является отражением глобальной тенденции активизации негосударственных (этнических, религиозных) акторов, чья деятельность направлена на формирование и изменение «правил игры», ведущих к институциональным изменениям (пересмотру форм государственного устройства, механизмов инкорпорации этнического или религиозного сегмента во власть и др.). В связи с вышесказанным, выбор темы исследования обусловлен необходимостью поиска адекватных управленческих стратегий и механизмов политической консолидации российского общества, что предопределяет важность всестороннего анализа и выявления особенностей создания и функционирования политических институтов (как институтов власти и управления, так и гражданского общества) на территории Северного Кавказа, определения их роли и места в процессе нациестроительства нашей страны.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование политических процессов на Северном Кавказе России в исторической ретроспективе проводится с позиции институционального подхода и опирается на научную базу, разработанную в рамках анализа этнополитических процессов и проблем федерализма отечественными и зарубежными авторами.

Особое место занимают работы российских и иностранных исследователей по теории этнической идентичности и проблемам нациестроительства,

закладывающие фундамент для изучения полиэтничных обществ и политического взаимодействия внутри многосоставных государств. Это труды Э. Геллнера¹, М. Неша², Дж. Ротшильда³, Э. Смита⁴, В.А. Ачкасова⁵, Л.М. Дробижевой⁶, Н.П. Медведева⁷, И.С. Семенов⁸, Ю.И. Семенова⁹, В.А. Тишкова¹⁰ и многих других.

Теоретические и методологические основания изучения российского федерализма заложили такие отечественные исследователи, как Р.Г. Абдулатипов¹¹, Л.Ф. Болтенкова¹², В.Н. Иванов¹³, Т.Д. Мамсуров¹⁴, Э.А. Паин¹⁵, М.Х. Фарукшин¹⁶ и др.

Наиболее дискуссионным вопросом остается оценка перспектив развития российской государственности и сохранения этно-территориального характера федеративного устройства. Некоторые ученые (Р.Г. Абдулатипов, В.А. Михайлов) полагают, что необходимо постоянно учитывать этническую специфику и потребности в самоуправлении локальных сообществ, развивать этническую составляющую российского федерализма. Существует и противоположная точка зрения. Так, В.Н. Иванов и О.А. Яровой считают доминирующим административно-территориальный принцип устройства государства, отмечая, что этнический федерализм в России не имеет стратегических перспектив¹⁷. В

¹ Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ.; ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 794 с.

² Nash M. The Cauldron of Ethnicity in the Modern World. - Chicago, 1989.- 136 pp.

³ Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. - N.Y., 1981. – 290 pp.

⁴ Smith A. National Identity. L., Penguin Books, 1991. - 226 pp.; Smith A. The Ethnic origins of Nations. Oxford, 1988 – 329 pp.

⁵ Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2014. №3. – С. 81-89.

⁶ Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.

⁷ Политическая регионалистика и этнополитика: проблемы централизации / под общ.ред. Н.П. Медведева. – М.: МИСиС, 2010. – 190 с.; Медведев Н.П. К вопросу о современной этнополитике и этнокультуре // Вопросы политологии. 2014. № 1 (13). – С. 58-67.

⁸ Семенов И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. №11. – С. 91-102.

⁹ Семенов Ю.И. Народ, этнос, нация. Статья вторая. Общество, политодемотия, нация // Философия и общество. 2013. №2. – С. 5-27.

¹⁰ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: «Русский мир», 1997. – 532 с.

¹¹ См.: Основы национальных и федеративных отношений / под ред. Р.Г. Абдулатипова. – М., 2001; а также Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Коренные малочисленные народы и национальные меньшинства в новых условиях // Публичное и частное право. 2015. №II. – С. 7-18; Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 102 с.

¹² Болтенкова Л.Ф. Взаимообусловленность федерализма и регионализма в системе управления // Этносоциуми межнациональная культура. 2015. №10 (88). – С. 160-166.

¹³ Иванов В.Н. Федерализм и безопасность государства // Социологические исследования. 2004 №6. – С. 6-15.

¹⁴ Мамсуров Т.Д. Российский федерализм: национально-этнический контекст. – М.: Изд-во «Вариант», 2001. – 240 с.; Мамсуров Т.Д. Центр и процессы региональной суверенизации в 90-х г. XX века // Власть. – 2001. №12. – С.3-9.

¹⁵ Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России/ 2-е изд., доп.. – М.: Новое издательство. – 2004. – 248 с.

¹⁶ Фарукшин М.Х. Этнофедерализм: российский и зарубежный дискурс // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №10. – С. 40-51.

¹⁷ Иванов В.Н., Яровой О.А. Российский федерализм: становление и развитие. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. – С. 119.

свою очередь, А.Б. Зубов определяет этно-территориальный принцип федерализма как «бомбу, заложенную под здание российской государственности»¹⁸. Умеренной позиции придерживается Т.Д. Мамсуров. В монографии, посвященной этнополитическим особенностям развития российского федерализма, он отмечал, что во избежание распада общности народов, проживающих на территории России, необходимо учитывать и согласовывать их интересы, не игнорируя этническую составляющую в принятии политических решений¹⁹.

Между тем, все чаще ученые видят проблемы российского федерализма в акцентировании этничности. Так, В. Стрелецкий²⁰ указывает на сложности федеративной системы: сочетание этнического и территориального начала и сочетание конституционного равенства с фактическим неравенством субъектов России.

Проведя исследование этнополитических процессов в России, Э.А. Паин²¹ утверждает, что Российская Федерация уже не империя, но еще не государство-нация, так как в нашей стране еще не сложилась «гражданская нация» ни на культурно-ценностном, ни на институциональном уровне²².

В свою очередь Л. М. Дробижева к числу достижений демократического транзита в России относит стремление к деполитизации этничности²³. В ее монографии «Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет» на основе многолетних исследований показано развитие российской национальной идентичности, которое Л.М. Дробижева рассматривает как ресурс для межэтнического согласия²⁴.

В ходе реформы федеративных отношений важнейшими шагами по рецентрализации страны стали развитие бюджетного федерализма и слияние ряда

¹⁸ Зубов А. Будущее российского федерализма // Знамя.– 1996. – № 6. – С. 13-20; Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм (к вопросу о будущей организации государственного пространства России) // Полис. 2005. №5. С. 14.

¹⁹ Мамсуров Т.Д. Российский федерализм: национально-этнический контекст. – М.: Изд-во «Вариант», 2001. – С.234.

²⁰ Стрелецкий В. Конфигурация этнических, лингвистических, культурных, религиозных и расовых различий в Российской Федерации (по данным переписей населения и этническому самосознанию) // Федерализм и этнического многообразие в России / Сб. статей / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 9-34; Стрелецкий В.Н. Географическое разнообразие, регионализм и регионализация // Разнообразие как фактор и условие территориального развития. Сб. статей. Часть I. Главы 1-3. М.: Эслан, 2014. С. 25-43.

²¹ Паин Э.А. Этнополитические процессы в модернизирующейся России. Концепция нелинейного развития этнополитической интеграции. – Дисс. ... д. пол. наук. – М., 2004. – 295 с.; Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России/ 2-е изд., доп. – М.: Новое издательство. – 2004. – 248 с.

²² Паин Э.А. Этнополитические процессы в модернизирующейся России. Концепция нелинейного развития этнополитической интеграции. – Дисс. ... д. пол. наук. – М., 2004. – С. 267.

²³ Дробижева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. – 2005. №2. – С.16-28.

²⁴ Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.

российских регионов. Экономические аспекты межбюджетных отношений в России, которые за последние годы приобрели централизованный характер рассматривали такие авторы, как Н. Зубаревич²⁵, И.К. Харитонов²⁶, А.А. Аветисян²⁷ и др. Процесс укрупнения регионов в целях преодоления асимметричности Российской Федерации затронули М.М. Борисова²⁸, Б.Д. Дамдинов²⁹ и Д. Колмогорова³⁰.

Особенности российского федерализма также исследовали зарубежные авторы: К. Росс³¹, А. Кэмпбелл³², М. Бургесс³³, А. Хейнеманн-Грудер³⁴ и др., представившие собственное видение политических процессов в нашей стране. Например, М. Бургесс считает, что в таких федерациях, как Россия, с ярко выраженной социокультурной дифференциацией, требуется несколько конституционных и политических стратегий для успешного управления. «То, что сработает в управлении Татарстаном, не обязательно подойдет для Чечни»³⁵. В свою очередь А. Хейнеманн-Грудер, утверждает: «пример России показывает, что, вероятно, все попытки институционализировать этническую принадлежность имеют временный характер». После фазы этнического федерализма 1990-х гг. наступило время «де-этнизации» экономических и политических ожиданий. А. Хейнеманн-Грудер связывает дальнейшее развитие федерализма в России с ассимиляцией нерусских народов либо через русификацию, либо через трансформацию этнических маркеров идентичности в гражданские³⁶.

Северный Кавказ как полиэтничный и поликультурный регион с высокой плотностью населения, исторически представляющий огромное стратегическое

²⁵ Зубаревич Н. Социально-экономические различия между этническими регионами и политика перераспределения // Федерализм и этническое многообразие в России / Сб. статей / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грудера. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 80-93; Зубаревич Н.В. Кризисы постсоветской России: региональная проекция // Региональные исследования. 2015. №1 (47). – С. 23-31.

²⁶ См.: Харитонов И.К. Конституционные принципы разграничения бюджетных полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в системе бюджетного федерализма // Юристы-Правоведы. 2012. №1. – С. 99-104.

²⁷ Аветисян А.А. Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз. 2011. №1 (13). – С. 125.

²⁸ Борисова М.М. Административно-территориальные единицы с особым статусом в объединенных субъектах Российской Федерации // Гуманитарные науки и образование. – 2010. №3. – С. 99.

²⁹ Дамдинов Б.Д. Административно-территориальные единицы с особым статусом: проблемы теории // Сибирский юридический вестник. – 2009. №3. – С. 30-31.

³⁰ Колмогорова Д. Укрупнение российских регионов // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. / Под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грудера. – М: РОССПЭН, 2010. – С. 150.

³¹ Russian Politics under Putin / ed. by C. Ross. – Manchester: Manchester University Press, 2004. – 292 p.

³² Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross and A.Campbell. – London-N.-Y.: Routledge, 2009. – 306 p.

³³ Burgess M. Between a rock and a hard place: the Russian Federalism in comparative perspective // Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross and A.Campbell. – London-N.-Y.: Routledge, 2009.

³⁴ Heinemann-Gruder A. Federal discourses, minority rights, and conflict transformation // Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross and A.Campbell. – London-N.-Y.: Routledge, 2009; Федерализм и этническое многообразие в России / Сб. статей / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грудера. – М.: РОССПЭН, 2010.

³⁵ Burgess M. Between a rock and a hard place: the Russian Federalism in comparative perspective // Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross and A.Campbell. – London-N.-Y.: Routledge, 2009. – P.44.

³⁶ Heinemann-Gruder A. Federal discourses, minority rights, and conflict transformation // Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross and A.Campbell. – London-N.-Y.: Routledge, 2009. – P.76.

значение для развития российской государственности, давно стал объектом многочисленных междисциплинарных научных исследований. Политическая история Северного Кавказа рассмотрена в работах М.М. Блиева³⁷, С.В. Дарчиевой³⁸, В.В. Дегоева³⁹, В.Д. Дзидзоева⁴⁰, В.Б. Лобанова⁴¹, Т. Музаева⁴² Н.И. Покровского⁴³ и др. Обращение к историческим работам обусловлено крайне высокой устойчивостью традиционных регулятивных механизмов и основ социального устройства народов Северного Кавказа, что проявилось в период колонизации Северного Кавказа Российской Империей и Кавказской войны (1816-1864 гг.) и во время Гражданской войны, когда национальными лидерами предпринимались попытки создания собственных государственных образований. Особое значение для осмысления роли традиционных констант (религии, культуры, традиций, обычного права (адатов)) в региональном политическом процессе имеют исследования И.Л. Бабич⁴⁴, Ю.Ю. Карпова⁴⁵, Э.Х. Панеша⁴⁶. Огромный интерес для понимания истоков современных территориальных конфликтов представляют работы Н.Ф. Бугая⁴⁷ о депортации северокавказских народов в 1944 г.

В начале 1990-х гг., в связи с возникновением ряда острых конфликтов и проблем в регионе, появилось огромное количество работ, посвященных анализу этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Сюда, в первую очередь, можно отнести статьи российских авторов, опубликованные в сборниках Института этнологии и антропологии РАН, раскрывающие особенности

³⁷ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Росет, 1994. – 592 с.

³⁸ Дарчиева С.В. Политические партии Северного Кавказа и выборы в Государственную Думу (1906-1907 гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. №11. – С. 6-13; Дарчиева С.В. Реформы и контрреформы на Северном Кавказе: проблемы выбора (конец XIX – начало XX в.) // Власть. 2013. №11. – С. 156-159.

³⁹ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30 - 60-х гг. XIX в. – М., 1992. – с. 8-213; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: «Русская панорама», 2001. – 448 с.; Дегоев В.В. К вопросу о предыстории Кавказской войны XIX века // Россия XXI. 2015. №1. – С. 70-89.

⁴⁰ Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003.

⁴¹ Лобанов В.Б. Гражданская война на Северном Кавказе в 1919-1920 гг.: Терско-Дагестанский край // Петербургские исследования. Альманах. 2011. №3. – С. 271.

⁴² Музаев Т. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917- март 1918 г. – М.: Патрия, 2007. – 518 с.

⁴³ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. – М.: РОССПЭН, 2009. – 584 с.

⁴⁴ Бабич И. Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2000. №131 // www.iea.ras.ru; Бабич И. Л. Правовое наследие народов Северного Кавказа как ресурс демократии обычного права для межнационального согласия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сб. научных статей / Отв. ред. И.И. Горлова. – М.: Министерство культуры РФ, 2015. – С. 51-72.

⁴⁵ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 656 с.

⁴⁶ Панеш Э.Х. Традиции в политической культуре народов Северо-западного Кавказа // Этнические аспекты власти. – СПб.: Языковой центр, 1995. – С. 21-29.

⁴⁷ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). – М.: ИНСАН, 1998. – 361 с.; Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. – М.: Гриф и К, 2011. – 440 с.

этнических проблем в Адыгее, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Среди последних крупных изданий ИЭА РАН следует упомянуть коллективный труд «Гражданские инициативы в сфере этнической политики»⁴⁸, опубликованный в 2013 г.

В 2007 г. под редакцией В.А. Тишкова вышла коллективная монография «Российский Кавказ», в которой авторы анализируют исторические, культурные, этнические и социально-экономические аспекты развития Северного Кавказа в составе России⁴⁹. Логичным продолжением этой работы стала книга «Северный Кавказ в национальной стратегии России»⁵⁰, выявившая приоритеты экономического и политического развития региона в составе РФ с учетом его проблем и социокультурной специфики.

Исследование этнополитических конфликтов на Северном Кавказе носит многоаспектный характер, среди авторов, которые обращались к теории и практике региональных конфликтов можно назвать: В.А. Авксентьева⁵¹, А.З. Адиева⁵², М.А. Аствацатурову⁵³, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриева⁵⁴, Е.С. Карсанову⁵⁵, А.В. Малашенко⁵⁶, Н.П. Медведева⁵⁷, В.А. Тишкова⁵⁸, Л.Л. Хоперскую, В.А. Харченко⁵⁹ и др.

Наличие огромного числа конфликтологических исследований подчеркивает сложность этнополитической ситуации в регионе. Так, А.В.

⁴⁸ Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования межэтнических конфликтов / Под ред. В.Ю. Зорина, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 215 с.

⁴⁹ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 384 с.

⁵⁰ Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – 264 с.

⁵¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001; Авксентьев В.А. Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы // Россия и мусульманский мир. 2014. №3 (261). – С. 28-42.

⁵² Адиев А.З. Этнический национализм и конфликты на Северном Кавказе как институциональное явление // Научная мысль Кавказа. 2014. №3 (79). – С. 104-111.

⁵³ Аствацатурова М.А. Профилактика национализма и ксенофобии в сообществах Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2014. №8. – С. 7-9.

⁵⁴ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2008.

⁵⁵ Карсанова Е.С. Этноконфликтные факторы в современных этнополитических процессах Северокавказского региона // Управление мегаполисом. – 2011. №1. – С. 101-108; Karsanova N. Federalism as a Factor of Sustainable Development of the Multiethnic State // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. N3. P. 582-587.

⁵⁶ Малашенко А. В. Северный Кавказ: исламский фактор // Свободная мысль – XXI. – 2001.- №9. – С. 6 – 22; Малашенко А.В. Северный Кавказ: зарубежный субъект Российской Федерации. Московский Центр Карнеги. Брифинг. Ноябрь 2011. Том 13. Вып.3. – 12 с.

⁵⁷ Медведев Н.П. Влияние экстремизма и терроризма на конфликтогенность Северо-Кавказского региона // Вопросы политологии. 2015. №2 (!8). – С. 38-45.

⁵⁸ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченкой войны). – М.: Наука, 2001. – 552 с.

⁵⁹ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005; Хоперская Л.Л. Этнополитические конфликты: модели и возможные решения // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т.14. №11. – С. 191-194.

Дмитриев в своей книге «Юг России: конфликтологическая экспертиза»⁶⁰ приводит данные экспертного опроса по ключевым региональным проблемам: социально-экономическое развитие, безопасность, миграция, оценивая их влияние на возникновение конфликтов. Многоаспектный характер носит коллективная монография М.А. Аствацатуровой, В.А. Тишкова и Л.Л. Хоперской «Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе»⁶¹, авторы исследуют проблемы этнического национализма и ксенофобии, социального неравенства, проявления коррупции и клановости в органах власти, влияние исламского фактора на ситуацию в регионе и сепаратизм. В свою очередь, Н.П. Медведев обращает внимание на особую значимость для развития современной внутривластной обстановки на Северном Кавказе фактора этнической территории. Границы, созданные еще в советский период, в настоящее время жестко охраняются и могут стать причиной возможной межэтнической конфликтности⁶². Наконец, монография И.В. Стародубовской и Д.В. Соколова «Истоки конфликтов на Северном Кавказе»⁶³ заостряет внимание на экономических предпосылках региональных конфликтов.

Ситуация в Чеченской Республике в период так называемого чеченского кризиса или чеченских войн анализировалась в работах многих российских ученых: А. Малашенко и Д. Тренина⁶⁴, И.Г. Косикова⁶⁵, В.Г. Силинского⁶⁶, В.А. Тишкова⁶⁷ и др.

Вооруженную фазу имел осетино-ингушский конфликт, последствия которого надолго дестабилизировали ситуацию в регионе. Причины и проблемы урегулирования осетино-ингушского конфликта исследовали А.Г.

⁶⁰ Дмитриев А.В. Юг России: конфликтологическая экспертиза. – М.: Альфа-М, 2010. – 192 с.

⁶¹ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 264 с.

⁶² Медведев Н.П. Влияние экстремизма и терроризма на конфликтогенность Северо-Кавказского региона // Вопросы политологии. 2015. №2 (18). – С. 38-45.

⁶³ Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / И.В. Стародубовская, Д.В. Соколов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 280 с.

⁶⁴ Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – М. – 2002. – 267 с.

⁶⁵ Косиков И.Г. Федеральный центр и Чеченская Республика: актуальные проблемы взаимодействия. Часть I // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. №3 (22). – С. 44-59; Часть II // Там же. 2013. №4 (23). – С. 5-18; Часть III // Там же. 2014. №1 (24) – С. 27-37; Часть IV // Там же. №2 (25). – С. 84-95.

⁶⁶ Силинский В.Г. Чеченская Республика: трудный путь к миру и стабильности // Власть. - 2002. №5. – с. 3-8.

⁶⁷ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – 552 с.

Здравомыслов⁶⁸, М.М. Блиев⁶⁹, А.А. Цуциев⁷⁰, В.А. Кулаковский и В.А. Соловьев⁷¹, Л.А. Чибиров⁷² и др.

Объяснение роли в региональном политическом процессе этнических движений, которые являются выразителями интересов народов Северного Кавказа в политической, экономической, образовательной и культурной сферах нашло отражение в работах следующих авторов: А.З. Адиева⁷³, С.И. Аккиевой⁷⁴, М.Х. Гуговой⁷⁵, К.Г. Гусаевой⁷⁶, Н.Э. Казиева⁷⁷, И. Мурадяна⁷⁸, А. Язьковой⁷⁹ и др.

Политизация ислама, подъем самосознания мирового мусульманского сообщества («уммы») и выход его на международную арену имеет глобальное значение и оказывает огромное влияние на ситуацию в России. Влияние ислама на международные и внутрироссийские политические процессы раскрываются в работах Г.И. Мирского⁸⁰, М.М. Мчедловой⁸¹, Ю.М. Почты⁸² и др. авторов. Многие ученые сосредоточили внимание на развитии радикального ислама на Северном

⁶⁸ Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт. Перспективы выхода из тупиковой ситуации. – М.: РОССПЭН, 1998. – 128 с.

⁶⁹ Блиев М.М. Осетия, Кавказ: история и современность. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1999. – 332 с.

⁷⁰ Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992-...): его предыстория и факторы развития. – М.: РОССПЭН, 1998. – 200 с.; Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт 1992 года: некоторые итоги десяти лет урегулирования // Кавказский сборник. Т.1 (33) / Под ред. Н.Ю. Силаева. – М.: «Русская панорама», 2004. – С.217-237.

⁷¹ Кулаковский В.А., Соловьев В.А. Проблемы постконфликтного урегулирования. На примере деятельности федеральных органов, созданных для ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта за период с 1992 по 2000 год (альбом схем, диаграмм, таблиц). – Владикавказ: Изд-во «Кавказская здравница», 2001. – 96 с.

⁷² Чибиров Л.А. Деятельность Временной администрации по урегулированию осетино-ингушского конфликта (1992-1995) // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. №4. – С. 28-34; Чибиров Л.А. Роль СМИ в перерастании осетино-ингушского конфликта в горячую фазу // Научные исследования: от теории к практике. 2015. №5. – С. 51-53.

⁷³ Адиев А.З. Национальные движения ногайцев в Дагестане: их деятельность и причины возрождения // Труды политологической школы «Каспий» / Под ред. А. – Н.-З. Дибирова. – Махачкала: Изд-во «Логос», 2014. – С. 20-29.

⁷⁴ Аккиева С.И. Кабардино-Балкарская республика (мониторинг этнополитической ситуации) // Россия и мусульманский мир. 2015. №1 (271). – С. 44-55.

⁷⁵ Гугова М.Х. Формирование институтов гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике в конце XX – начале XXI века // Патриотизм и гражданская повседневность в жизни российского общества (XVIII – XXI вв.). Сборник материалов международной научной конференции / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. Нальчик, 2013. – С. 243-247.

⁷⁶ Гусаева К.Г. Межэтнические и межнациональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности. Монография. – Махачкала: ИД «Наука Плюс», 2006. – 298 с.; Гусаева К.Г. Общее и особенное в формировании национального и конфессионального в полиэтничном Дагестане // Философия и культура. 2013. №10. С. 1447-1452.

⁷⁷ Казиев Н.Э. Вопросы гармонизации межнациональных отношений // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. №53. – С. 85-93.

⁷⁸ Мурадян И. О лезгинской проблеме // http://news.artsakhworld.com/igor_muradian/lezg/main.html

⁷⁹ Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. Доклады Института Европы №324 / Под ред. А.А. Язьковой. – М.: Институт Европы РАН, 2016. – 98 с.

⁸⁰ Мирский Г.И. Ислам, исламизм и современность // Россия и мусульманский мир. 2011. №12. С. 164-170; Мирский Г.И. Феномен ИГИЛ // Россия и мусульманский мир. 2015. №12. – С. 151-158.

⁸¹ Мчедлова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. Т.11. №1. – С. 93-102.

⁸² Почта Ю.М. Значение ислама и роль мусульман в становлении современной российской государственности // Ислам в современном мире. 2015. Том 11. №4. – С. 91-100.

Кавказе: В.О. Бобровников⁸³, И.П. Добаев⁸⁴, М.А. Сучков⁸⁵, А.А. Ярлыкапов⁸⁶ и др.

Целый ряд работ, актуальных для диссертационного исследования, посвящен формированию республиканских органов власти на Северном Кавказе, как представительных (С.А. Кислицын и Н.П. Леоненкова⁸⁷), так и исполнительных (М.Э. Туаев⁸⁸ и М.Р. Мамараев⁸⁹). Их объединяет анализ правовой базы и исторических особенностей становления парламентской культуры и президентской власти в республиках региона.

Взаимодействию республик с федеральным центром посвящена коллективная монография под редакцией И.Г. Косикова «Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром»⁹⁰. В этой работе большое внимание отводится отношениям республик с центральной властью в период федеративной реформы В.В. Путина.

Геополитику Кавказа и стратегию России как кавказского государства, имеющего важные стратегические интересы в регионе, в своих работах рассматривает К.С. Гаджиев⁹¹.

К анализу политической ситуации на Северном Кавказе обращались также зарубежные авторы. Оценивая действия России во время чеченского конфликта 1994-1996 гг., зарубежные авторы Дж. Данлоп⁹², В. Беннет⁹³, С. Смит⁹⁴ и Х. Смит⁹⁵ сходятся в критических суждениях, обвиняя нашу страну в нарушении

⁸³ Бобровников В.О. Шариат и адат в российском нормативном пространстве // Государственная служба. 2011. №5. – С. 90-94; Бобровников В.О. Мусульманские традиции, право и общество на Российском Кавказе // Вестник Российской нации. 2014. Т. 4. №4 (36). – С. 66-79.

⁸⁴ Добаев И.П. Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2015. №12. – С. 69-87; Добаев И.П. Расколота умма Северного Кавказа // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Т. 1. – Махачкала: Изд-во «Лотос», 2008. – 407-415.

⁸⁵ Сучков М. А. Влияние ИГИЛ на российский Северный Кавказ // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. – С. 279-284.

⁸⁶ Ярлыкапов А.А. Северокавказские молодежные джамааты // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2007. №6; Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе // Исламоведение. 2014. №1.- С. 104-106.

⁸⁷ Кислицын С.А., Леоненкова Н.П. Представительные органы власти и парламентская культура Республики Адыгея. – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2004. – 98 с.

⁸⁸ Туаев М.Э. Становление и развитие президентской власти в Республике Северная Осетия – Алания. Дисс.... к. пол. наук. – М., 2005. – 150 с.

⁸⁹ Мамараев Р.М. Новая избирательная реформа глав регионов современной России // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2015. №1 (41). – С. 152-161.

⁹⁰ Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / Под ред. И.Г. Косикова. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 504 с.

⁹¹ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М.: Логос, 2010. – 532 с.; Гаджиев К.С. Южный Кавказ: геополитические этюды // Свободная мысль. 2013. №6. – С. 39-46; Гаджиев К.С. Трубопроводная дипломатия на Южном Кавказе в геополитическом измерении // Горизонты экономики. 2014. №4 (16). – С. 13-21.

⁹² Dunlop J. Russia confronts Chechnya: Roots of Separatist Conflict. - Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

⁹³ Bennet V. Crying wolf: The return of war to Chechnya. – London: Pan Books, 2001.- 589 p.

⁹⁴ Smith S. Allah's Mountains: Politics and war in the Russian Caucasus. – London, 1998.

⁹⁵ Smith H. Russia as a great power: Status inconsistency and the two Chechen wars // Communist and Post-Communist Studies. 2014, №47. P. 355-363.

прав этнических меньшинств и норм международного права. Между тем, в работах, анализирующих конфликт, начавшийся в 1999 г., М. Боукер⁹⁶ и К. Блэнди⁹⁷ часть вины возлагают уже на лидеров сепаратистской Чечни, которые не создали действенных светских органов политического управления и связались с международным терроризмом.

В 2011 г. была издана монография подполковника специального подразделения Армии США (Зеленых беретов) Р.У. Шэфера «Восстание в Чечне и Северный Кавказ: от газавата к джихаду». В своей книге Р.У. Шэфер называет современное состояние дел на Северном Кавказе «размытым» (“slushy”) конфликтом, который «не заморожен, не горит, но и определенно не окончен»⁹⁸.

Рост глобальной террористической угрозы, связанной с радикальным исламом, заставил многих зарубежных авторов обратиться к исследованию запрещенного в России «Исламского государства». Их работы посвящены, как возникновению ИГИЛ (Д. Байман, Дж. Уиллиамс⁹⁹), так и социально-психологическим чертам иностранных рекрутов, которые пополняют ряды террористов (Т.Р. МакКейб¹⁰⁰), а также динамике терактов, совершаемых террористами-смертниками (Д. Геллер, А. Саперстейн¹⁰¹).

Анализ состояния научной разработанности темы показывает, что исследованию этнополитических процессов на Северном Кавказе посвящено большое количество научной литературы с широким охватом поднимаемых тем. Однако когда речь идет о политической институционализации, ученые чаще всего обращаются к специфике формирования и функционирования органов власти в республиках, а также институту выборов. Пока не предпринималось попыток проанализировать политические процессы на Северном Кавказе как цикл институциональных изменений, связанный с историческим развитием российской государственности, раскрыть его закономерности в целях оптимизации федеративных отношений.

Объект исследования – общероссийский контекст институциональных изменений в полиэтничном регионе, определяющий развитие государственности.

Предмет исследования – политические процессы на Северном Кавказе России с позиции институционального подхода.

⁹⁶ Bowker M. Conflict in Chechnya // Russian politics under Putin / edited by C. Ross. – Manchester: Manchester University Press, 2004. – P. 255-268.

⁹⁷ Blandy C. W. Chechnya: Normalization. – London: Conflict Study Research Center, 2003. – 64 p.

⁹⁸ Schaefer R.W. The insurgency in Chechnya and the North Caucasus: from gazavat to jihad. Santa Barbara: Praeger, 2011. – P.276.

⁹⁹ Byman D., Williams J. Jihadism’s Global Civil War // The National Interest, March/April 2015, P. 10-18.

¹⁰⁰ McCabe T. R. A Strategy for the ISIS Foreign Fighter Threat // Foreign Policy Research Institute. December, 4. 2015. P. 140-153.

¹⁰¹ Geller D.S., Saperstein A.M. A dynamic model of suicide terrorism and political mobilization // International Political Science Review. 2015. Vol. 36 (5). – P.562-577.

Хронологические рамки исследования охватывают длительный период политической истории со времени активной колонизации Северного Кавказа Российской Империей (Кавказская война 1816-1864 гг.) по настоящее время. Нижняя граница хронологических рамок обусловлена необходимостью изучения истории региона в целях раскрытия специфических традиционных черт политической культуры и выявления закономерностей институциональных изменений. Верхняя граница хронологических рамок определяется стремлением провести наиболее полный анализ современных институциональных трансформаций и перспектив региональных политических процессов.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы вскрыть особенности политических процессов на Северном Кавказе в условиях развития российской государственности и обобщить практику институциональных решений в регионе, учитывая его историческую и социально-политическую специфику. Данная цель конкретизируется в необходимости поиска наиболее оптимальной модели политической институционализации в полиэтничном регионе для совершенствования государственного управления в России.

Достижения поставленной цели связано с решением следующих **задач**:

- изучить теоретико-методологические основы и представить аналитический потенциал институционального подхода для исследования политических процессов в полиэтничном федеративном государстве;
- выявить периодизацию развития политических процессов, раскрывающую специфику институциональных изменений на Северном Кавказе, объяснить причины спонтанных и эволюционных трансформаций институтов в исторической ретроспективе;
- выяснить закономерности институциональных изменений на Северном Кавказе, определить меру зависимости политических процессов в регионе от универсалистских центростремительных императивов;
- оценить эффективность институциональных решений, апробированных в управлении регионом, как на основе «центростремительной» модели, так и «консоциативной демократии»;
- исследовать проблемы институционализации региональной власти в контексте развития современных федеративных отношений, проанализировать воздействие на композицию власти в республиках сложившихся социальных практик и реформаторской роли Центра;
- показать особенности и этапы институционализации этнических и религиозных движений Северо-Кавказских народов, предложить объяснение фиксируемой политизации этничности и ислама в регионе;

- раскрыть вызовы современности для региональной политической системы в национальном и международном измерениях, связанные с модернизацией и глобализацией;

- предложить методы борьбы с враждебной пропагандой сепаратистских и террористических организаций, выступающих за отделение Северного Кавказа от Российской Федерации и дестабилизирующих региональную политическую систему;

- дать анализ состояния и перспектив политических процессов и институтов Северного Кавказа России в современных условиях.

Источниковая база исследования представлена следующими группами источников:

1. В первую группу входят Конституция Российской Федерации, Федеральные законы, Указы Президента РФ, а также Конституции республик Северного Кавказа, республиканские законы, указы глав республик, решения республиканских законодательных (представительных) органов власти и другие нормативно-правые акты.

6 сентября 2010 г. Правительством РФ была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года»¹⁰², которая является важным программным документом, определяющим приоритеты развития региона. Еще одним важным программным документом является «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹⁰³, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666.

2. Во вторую группу вошли выступления, интервью, доклады и заявления представителей политической элиты Северного Кавказа, в первую очередь бывших и действующих руководителей республик.

3. В отдельную группу мы выделяем декларации и заявления этнических движений и организаций. Информативными для нас были документы Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Горской республики (1917-1920 гг.)¹⁰⁴ и Декларация о конфедеративном союзе Горских народов Кавказа 1991 г.¹⁰⁵, как свидетельства попыток политической интеграции

¹⁰² Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. № 1485-р //

http://www.skfo.ru/article/category/Ekonomika/Strategiya_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_SKFO/

¹⁰³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666. // Система ГАРАНТ:

<http://base.garant.ru/70284810/#ixzz49VQ0aMSa>

¹⁰⁴ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920).

Документы и материалы. – Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1994.

¹⁰⁵ Декларация о конфедеративном союзе горских народов Кавказа. 1-2 ноября, 1991 г. Сухуми // Кавказ. – 1991. 17 ноября (№6). – С. 1.

северокавказских народов. Также в эту группу входят декларации организаций ингушей «Нийсхо», кумыков «Тенглик», нойгацев «Бирлик», лезгин «Садвал», осетин «Адамон Цадис», лакцев «Кази-Кумух», Национального Совета балкарского народа (НСБН), Конгресса Кабардинского народа (ККН), «Адэгэ Хасэ» и других, как существовавших ранее, так и ныне существующих.

4. Ценным источником для нашего исследования является региональная пресса. Для знакомства с политической историей региона ретроспективно были просмотрены газеты «Кавказ» (издавалась в Тифлисе с 1846 г. по 1918 г.), «Терские ведомости» (г. Владикавказ, 1868-1917 гг.) и «Терский край» (г. Грозный, 1917 г.), «Красный труд» – ежедневный орган Грозненского отдельного Исполкома и Политодела Кавтрудоармии (1921 г.). Газета Ассамблеи (затем Конфедерации) горских народов Кавказа «Кавказ» (1990-1991 г.).

В работе также были привлечены публикации республиканских газет: «Дагестанская правда», «Кабардино-Балкарская правда», «Северная Осетия», «Советская Адыгея», региональная общественно-политическая газета «Северный Кавказ» и др.

5. В диссертации широко привлекается социально-экономическая и электоральная статистика. Большую помощь оказали данные Федеральной службы государственной статистики¹⁰⁶, Министерства финансов России, Центральной избирательной комиссии РФ. Информативными были результаты социологических опросов ВЦИОМ, Левада-центра, исследования проводимые учеными Института социологии РАН, Дагестанского научного центра РАН, а также социологические исследования, среди которых следует отметить проведенные:

- Южным научным центром РАН «Социальное самочувствие населения Юга России» (2006, 2010 г.);

- Институтом социального маркетинга «Общественное мнение и эффективность политики государства на Северном Кавказе» (2011 г.);

- Центром современной кавказской политики «Кавказ» «Социологический срез общественного мнения населения Кабардино-Балкарской Республики» (2013 г.), «Социологический срез общественного мнения населения Республики Северная Осетия-Алания» (2014 г.).

¹⁰⁶ Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в 2015 году. – М.: Росстат, 2016. – 84 с.

Важным источником был подготовленный в стенах Института этнографии и антропологии РАН экспертный доклад «Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском регионе»¹⁰⁷.

6. Ресурсы Интернет, в первую очередь, официальные сайты глав исполнительной власти республик Северного Кавказа и представительных органов, официальный сайт полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе¹⁰⁸, правовые базы «Гарант» и «КонсультантПлюс».

Помимо сайтов органов власти республик Северного Кавказа в диссертации широко привлекаются интернет-ресурсы этнических движений и организаций: портал Международного объединения Лезгинского народного движения «Садвал»¹⁰⁹, сайт Международной черкесской ассоциации¹¹⁰, сайт «Кумыкский мир»¹¹¹, оказывающий информационную поддержку Кумыкскому научно-культурному обществу (КНКО), сайт Майкопской городской общественной организации «Адыгэ Хасэ – черкесский совет»¹¹² и др.

Кроме того, были изучены материалы враждебных сайтов сепаратисткой и экстремисткой направленности, поддерживающих запрещенную на территории РФ организацию «Имарат Кавказ» (Кавказский Эмират)¹¹³.

Теоретико-методологическая база исследования. В основание разработки темы исследования лег институциональный подход и появившееся в его рамках в 1980-е гг. направление неоинституционализм (Дж. Марч и Й. Олсен)¹¹⁴. В теории неоинституционализма выделяются следующие подходы: 1) нормативный, определяющий институты через нормы и ценности; 2) теории, основанные на рациональном выборе политических акторов; 3) исторический институционализм, делающий акцент на историческом контексте институциональных изменений; 4) социальный институционализм, рассматривающий институты как результат социального взаимодействия акторов, и другие подходы.

Для целей диссертационного исследования используется синтез рационального и исторического подходов. Теории рационального выбора (П.

¹⁰⁷ Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском регионе. Экспертный доклад / Под общ. ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – 98 с.

¹⁰⁸ <http://www.skfo.gov.ru/>

¹⁰⁹ <http://sadval.com/>

¹¹⁰ <http://intercircass.org/>

¹¹¹ <http://kumukia.ru/>

¹¹² <http://maykopkhase.blogspot.ru>

¹¹³ В настоящее время доступ к этим сайтам на территории Российской Федерации блокируется в соответствии со Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

¹¹⁴ March J., Olsen J. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N. Y.-L., 1989. P. 1-2.

Холл и Р. Тейлор, Дж. Найт¹¹⁵) рассматривают создание институтов как следствие рационального выбора политических акторов. Данный подход позволяет изучить, чем руководствовались политические акторы при создании политических институтов, а также исследовать выгоды и издержки такого выбора. Вместе с тем, рациональный подход не дает возможности объяснить все институциональные изменения в заявленных широких хронологических рамках. В то время, как исторический подход основан на представлении, что конфигурация и эволюция институтов определяются не только результатом взаимодействия и выбором политических субъектов, но и социальным историческим контекстом¹¹⁶.

Методологическую базу исследования также составили теории этничности, которые представляют три подхода: 1) примордиализм, определяющий этнос как «природный» феномен, и считающий, что этническая идентичность задается от рождения (Э. Смит¹¹⁷); 2) конструктивизм, который утверждает, что этническая идентичность это социальная конструкция, результат выбора и действий людей (М. Нэш¹¹⁸, В.А. Тишков); 3) инструментализм, примиряющий эти подходы и признающий оба тезиса (Э. Геллнер¹¹⁹, Ю. Хабермас¹²⁰). Для диссертационного исследования ценность представляет полипарадигмальный или синтезированный подход (Л.М. Дробижева¹²¹, С.В. Рыжов и др.), который исходит из того, что есть объективные природные предпосылки для формирования этнического самосознания, но также из понимания, что в современных условиях оно зачастую является социальным конструктом, результатом выбора людей.

Институциональная теория предлагает две возможные модели организации власти в многосоставных полиэтничных обществах: «центростремительную» концепцию Д. Горовица¹²², направленную на ослабление групповых идентичностей, интеграцию, стимулирование межгрупповых контактов, и «консоциативную модель» демократии А. Лейпхарта¹²³, ориентированную на обеспечение участия этнических сегментов во власти на общенациональном уровне. Предложенные модели позволяют проследить опыт институциональных решений на Северном Кавказе с учетом (или игнорированием) этнической составляющей в каждый исторический период нахождения в составе России.

¹¹⁵ Holl P., Taylor R. Political science and the three new institutionalism // *Political Studies*, 1996. Vol. 44. №5; Knight J. *Institutions and social conflict*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

¹¹⁶ Steinmo S. *Structuring politics*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 8-15.

¹¹⁷ Smith A. *Theories of Nationalism*, 2nd ed. N.Y.: Holmes and Meier, 1983. P. 180.

¹¹⁸ См.: Nash M. *The Cauldron of Ethnicity in the Modern World*. - Chicago, 1989. - P. 12.

¹¹⁹ Геллнер Э. *Нации и национализм* / пер. с англ.; ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991.

¹²⁰ Habermas J. *L'espace public: archeologie de la publicite comme dimension constitutive dela socite doudeois*. 1986

¹²¹ Дробижева Л.М. *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет.* / Л.М. Дробижева. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.

¹²² Horowitz D. *Ethnic groups in conflict*. – University of California Press, 1985.

¹²³ Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. – М.: Аспект-пресс, 1997.

Итак, методологическим фундаментом диссертационного исследования выступает синтез рационального (Дж. Най) и исторического (Д. Норт) подходов неоинституционализма и полипарадигмальный подход к изучению этничности.

Помимо перечисленных теоретико-методологических подходов в исследовании используются широко применяемые научные **методы**:

Системный метод дает возможность оценить состояние компонентов (организационного, культурного, нормативного, коммуникативного, функционального) региональной политической системы в каждый конкретный период времени.

Исторический подход позволяет охватить весь период нахождения Северного Кавказа в составе России и выявить фазы развития политических процессов, раскрывающие специфику институциональных изменений в регионе.

С помощью сравнительного метода исследуются типы этнополитической ситуации и формы территориального устройства различных государств.

Правовой анализ документов обеспечивает изучение правовых основ развития российского федерализма и законодательной базы субъектов РФ.

Наконец, на основе прогнозирования (экстраполяции) анализируются перспективы российского федерализма и политического развития Северного Кавказа.

Основные результаты исследования, полученные автором, и их научная новизна:

1. На основе проведенного комплексного анализа институциональных изменений на Северном Кавказе с использованием синтеза неоинституционализма (рационального и исторического подходов) и полипарадигмального подхода теории этничности, впервые представлен опыт институциональных изменений в полиэтничном регионе России. Синтез подходов позволил рассматривать эволюцию институтов как результат рационального выбора политических акторов (этнических групп, элит, партий, общественных организаций), обусловленного социальным и историческим контекстом.

2. Проведенный анализ позволил выявить шесть фаз политических процессов на Северном Кавказе со времени вхождения его в политико-правовое поле российского государства, связанных с изменениями институциональной среды, которые могут быть описаны в терминах «кризиса» и «устойчивости». Выявление фаз политических процессов дает новое понимание причин стихийных изменений институтов в периоды кризисов и инерционность традиционных социальных практик в периоды «революционных» изменений.

3. Исследование политических процессов, позволило выяснить закономерности институционального развития региональной политической системы, связанные, как с социально-историческими особенностями Северного Кавказа, так и с общероссийским контекстом институциональных изменений, что дает возможность трактовать политическую систему региона как глубоко интегрированную в российское государство.

4. Предложенный подход к анализу опыта политических изменений на Северном Кавказе, позволил впервые оценить эффективность институциональных решений, апробированных в управлении регионом, как на основе «центростремительной» модели, так и «консоциативной демократии». Понимание, что ни одна из моделей в чистом виде не дает долгосрочного результата стабилизации в регионе, позволяет говорить о необходимости совмещенного подхода к региональному политическому управлению.

5. Синтез научных подходов позволил впервые представить этапы институционализации этнических и религиозных движений на Северном Кавказе и изменение их роли в региональном политическом процессе. Осознание непреходящей важности этнического и религиозного факторов говорит о необходимости развития институтов гражданского общества в виде общественных организаций этнического и религиозного характера, с учетом того, что запретительные меры имеют обратный эффект.

5. В диссертации впервые раскрыты вызовы современности для региональной политической системы: потребность в модернизации институтов власти и гражданского общества; а также глобальные вызовы, связанные с фрагментацией мира на этнической основе, консолидацией и институционализацией движений разделенных народов, способных привести к пересмотру современных государственных границ, радикализацией ислама, терроризмом, экстремизмом, созданием «виртуального государства».

6. В научный оборот вводится ряд важных источников (резолуции народных съездов, заявления лидеров этнополитических движений, материалы Интернет-сайтов, оказывающих информационную поддержку сепаратизму и экстремизму). Изучение материалов неформальных организаций, особенно враждебной пропаганды запрещенных в России «Кавказского Эмирата» и «Исламского государства», дает возможность выработать методы борьбы с ними на правом и информационном уровне.

7. В диссертации дается анализ перспектив развития политических институтов на Северном Кавказе в современных условиях, которые имеют

тенденцию к укреплению интегративной модели государственности в рамках модернистского проекта.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политические процессы на Северном Кавказе это череда периодов институциональной неопределенности (кризисов), когда политические институты создаются и изменяются стихийно, и периодов институциональной устойчивости. В периоды установления государственного контроля власть навязывает формальные институты и «правила игры» сверху, тем самым обеспечивая условную стабильность.

2. В процессе развития Российской государственности мы выделяем следующие «критические» периоды институциональной неопределенности: Кавказская война (1816-1864 гг.); период революций 1917 г. и Гражданской войны (1917-1924 гг.); ранний постсоветский период 1991-1999 гг. «Нормальные» периоды, связанные с созданием и функционированием формальных, контролируемых из центра и относительно устойчивых институтов, укладываются в следующие хронологические рамки: период господства Российской Империи на Кавказе (с середины 1860-х гг. по 1917 г.); советский период (с середины 1920-х по 1991 г.); современная конституционная федерация (с 2000 г. по настоящее время).

3. Проведенный анализ институциональных изменений, позволяет выделить следующие закономерности политических процессов на Северном Кавказе: 1) зависимость кризисов региональных политических институтов от общероссийских кризисов государственной системы; 2) циклический характер политических кризисов; 3) несостоятельность региональных надэтнических институтов и всех попыток их создания «вне России» (имамат Шамиля, Горская Республика, Конфедерация народов Кавказа) при высокой степени самоорганизации Северо-Кавказских народов на локальном уровне; 4) все периоды стабилизации были заданы сверху центральными органами государственной власти, введившими жесткие институциональные ограничения и нормы для региональных политических акторов.

4. Исторический опыт и политическая практика показывают, что в управлении регионом были апробированы институциональные решения, как на основе «центростремительной» модели (унитарное государство, отсутствие гарантированного участия этнического сегмента во власти, мажоритарная избирательная система), так и «консоциативной демократии» (автономизация в составе федерации, этническое квотирование на региональном уровне, гарантированное участие этнического сегмента во власти). Ни одна из моделей в

чистом виде не дает долгосрочного результата стабилизации в регионе, что позволяет говорить о необходимости совмещенного подхода к региональному политическому управлению – укрепление государственности на основе интеграционной центростремительной модели, с учетом специфики региональной политической культуры.

5. Также в регионе были попытки суверенизации (Ичкерия), кавказского интегризма (Горская республика, Конфедерация народов Кавказа) и теократии (имамат Шамиля, эмират Узун-Хаджи, виртуальный «Кавказский Эмират»). Опыт несостоявшихся институциональных решений, позволяет говорить о невозможности самоопределения кавказских народов вне России (в силу ограниченности ресурсов и большого числа межэтнических противоречий), а также, несмотря на значительную роль религиозного фактора, о перспективах исключительно светской государственности в регионе.

6. Между тем, политические институты на Северном Кавказе демонстрируют зависимость от традиционных социальных констант. Даже в ходе революционных, на первый взгляд, изменений для них было характерно перетекание (почти полное) содержания старых институтов в новые. Формальные политические институты на Северном Кавказе часто вбирают в себя традиционные элементы, свойственные для региональной социальной среды.

7. В настоящее время устойчивость регионального политического процесса задана следующими институциональными решениями: республики в составе Российской Федерации, национально-культурные автономии, система этнического квотирования, негласно существующая в полиэтничных республиках Северного Кавказа. Право на создание национально-культурной автономии, как субъекта экстерриториального самоопределения, стало своего рода компромиссным решением для народов, не имеющих государственности в форме республики.

8. Современные республиканские органы исполнительной и законодательной власти на Северном Кавказе глубоко интегрированы в политико-правовое и институционально-экономическое поле России, что также служит цели укрепления государственности и стабилизации политических процессов. Вместе с тем, «назначенческий» характер выборов глав исполнительной власти из числа сторонников доминирующей партии, а также неформальная практика этнического квотирования при формировании законодательной власти – ставят под сомнение эффективность республиканских органов управления. Кроме того, существует опасность «этнизации» партий, для обеспечения необходимых пропорций этнического представительства. Все это приводит к низкому доверию

населения к партийной системе, институту выборов и ставит под вопрос демократические преобразования.

9. В несколько этапов проходила институционализация современных этнических и религиозных движений на Северном Кавказе: от фазы политизации этничности начала 1990-х гг., когда каждый народ выступил со своей политической программой, до консенсуса с официальными властями республик. С середины 1990-х и в 2000-е гг. активизируются религиозные движения, происходят столкновения организаций традиционного и радикального ислама. В настоящее время легальные этнические и религиозные организации не создают заметной конкуренции формальным органам власти. Вместе с тем, высокий уровень доверия населения к старейшинам и лидерам этнических движений и духовным лидерам, представителям муфтията сильно контрастирует с низким доверием официальной власти республик. Этническая идентичность и религиозная принадлежность являют собой наиболее выраженную основу для обобществления интересов и действий проживающих в регионе народов.

10. В связи с глубоким проникновением в формальные институты Северного Кавказа элементов традиционной культуры этнических групп, населяющих регион, остро стоит задача модернизации политических институтов, не только их внешнее соответствие демократическим принципам, но и совершенствование механизмов внутреннего функционирования. Учитывая высокий уровень клановости и коррупции в органах власти, необходимо понять, что реформа власти не может проводиться руками только самих представителей официальной власти. В связи с этим необходим поиск новых механизмов согласования интересов и действий власти с обществом.

11. При разработке стратегии управления регионом необходимо учитывать глобальные вызовы современности, связанные с фрагментацией мира на этнической основе, консолидацией разделенных народов, способной привести к пересмотру современных государственных границ, радикализацией ислама, терроризмом, экстремизмом. Действенными механизмами должны стать: укрепление российской гражданской идентичности, пропаганда толерантности и светских ценностей в российском обществе в целом, а также противодействие враждебной пропаганде сепаратизма и экстремизма на правовом, информационном и образовательном уровнях.

12. Перспективы российского федерализма имеют тенденцию к укреплению интегративной модели государственности в рамках модернистского проекта, что связано с постепенным нивелированием этнической составляющей в политических процессах. Об этом говорит и начавшийся процесс слияния

регионов, и создание округов по территориальному принципу, и поиск оптимальных институтов государственного управления делами национальностей и, наконец, создание министерств для прямого управления пограничными регионами. Между тем, республика в составе РФ продолжает оставаться значимым институциональным ресурсом для коренных народов России, что необходимо учитывать при проведении административно-территориальных преобразований.

Научно-практическая значимость работы. Полученные в ходе проведенного исследования результаты могут быть полезны для совершенствования государственного управления регионами России с полиэтничным населением. Выводы, сделанные в работе, могут послужить основой для изучения и прогнозирования политических процессов на Северном Кавказе и развития федерализма. Материалы диссертационного исследования также могут быть использованы при чтении лекции по дисциплинам «Современная российская политика», «Политическое управление», «Региональное управление и территориальное планирование» для бакалавров направления подготовки «Политология» и «Государственное и муниципальное управление» а также для разработки магистерских учебных программ.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладах:

- на всероссийских конференциях: «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму» (г. Махачкала, 20-21 ноября 2008 г.); «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы» (г. Москва, 1-3 ноября 2010 г.); «Социальное самочувствие населения в современной России» (г. Ставрополь, 4-5 октября 2010 г.); «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)» ежегодная конференция Алтайской школы политических исследований (г. Барнаул, 20-21 сентября, 2012 г.).

- международных научных конференциях: «Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации)» (г. Улан-Батор, Монголия, 7-8 сентября 2010 г.); «Ethnopolitical Diversity and the Problem of Tolerance in the Globalizing World» (St. Petersburg, Russia, 24-26 June 2010); Aleksanteri Conference 2012 «Competition and Good Society – the Eastern Model» (Helsinki, Finland, 24-26 October 2012); «Russian politics from below» (University of Edinburgh, Scotland, UK, 26 April 2013); «Социальные идентичности и социальная структура России и Монголии в условиях трансформации» (г. Улан-Батор, Монголия, 8-10 августа 2013 г.); Annual Meeting of International Society of

Political Psychology «Ideology and Ideological Conflict: the Political Psychology of Belief Systems» (Rome, Italy, 4-7 July 2014); 23rd World Congress of Political Science «Challenges of Contemporary Governance» (Montreal, Quebec, Canada, 19-24 July 2014); «Процессы социальной интеграции и дезинтеграции (идентичности в меняющемся мире)» (г. Улан-Батор, Монголия, 8-15 августа 2014 г.); «Российский Кавказ» (Махачкала, Республика Дагестан, Россия, 15-17 сентября 2014 г.); «Democracy, Governance and Identity in Contemporary Politics» (Bucharest, Romania, 7-9 May 2015); Annual Scientific Meeting of International Society of Political Psychology «The Psychology of Encounter and the Politics of Engagement» (San-Diego, USA, 3-6 July 2015); «Youth Political Participation: The Diverse Roads to Democracy» (Montreal, Quebec, Canada, 15-17 June 2016).

Результаты диссертационного исследования были использованы в преподавании дисциплин «Политическое управление», «Муниципальная политика», «Стратегическое управление природными ресурсами территорий» по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» в АНОО ВО «Одинцовский гуманитарный университет».

Отдельные авторские лекции по теме исследования были прочитаны на Международных школах молодых политологов и социологов, организованных Институтом социологии РАН и Институтом философии Академии наук Монголии в 2013 г. и 2014 г. (г. Улан-Батор), а также Международной политологической школе «Каспий» в сентябре 2014 г. (г. Махачкала).

Автором также была написана глава «Организационные структуры управления» в учебное пособие для бакалавров «Теория управления», рекомендованного УМО по образованию в области менеджмента (Теория управления / Под ред. Н.И. Астаховой, Г.И. Москвитина. – М.: Юрайт, 2013).

Промежуточные результаты исследования апробировались в докладах и сообщениях диссертанта на заседаниях Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН в 2009-2016 гг.

Основное содержание диссертации отражено в индивидуальных монографиях «Институты власти на Северном Кавказе: опыт и уроки политической трансформации» (Краснодар: ИС РАН, 2009. 16 п.л.), «Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности» (LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, Germany. 2011. 19 п.л.), «Этнополитические процессы на Северном Кавказе в национальном и международном измерении» (Dictus Publishing, Germany. 2012. 7 п.л.), семнадцати работах в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК, и

более тридцати других публикациях. Общий объем публикаций по теме диссертации 66 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений. Работа содержит 35 таблиц и 4 рисунка.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Институциональные аспекты политических процессов в федеративном государстве» раскрывает теоретическую и методологическую базу исследования для изучения проблем нациестроительства в полиэтничных государствах и этнополитических процессов на Северном Кавказе России с позиции институционального подхода.

Первый параграф – «Нациестроительство – как политический процесс: теория и практика» посвящен определению и раскрытию основных черт этого процесса. Полиэтничность характерна многим современным государствам-нациям. Все они в процессе нациестроительства сталкивались с преодолением культурных, языковых, социально-экономических и других проблем. Ученые подводят разные основание под формирование и сохранение нации как социального феномена. Одни (П. Сорокин, Ю.И. Семенов), подчеркивают необходимость достичь культурно-ценностное единство народов, имеющих общую историю и территорию проживания. Другие (Э. Ренан, Э. Геллнер) считают, что нации необходима общая идеология, основанная на общих интересах и целях. Марксистский подход, помимо исторической, территориальной и идеологической составляющей, выделяет общность экономической жизни. Таким образом, нациестроительство – это социально-политический процесс, который имеет под собой экономическую и политико-правовую основу. В ходе этого процесса складывается единое экономическое пространство, формируются политический и государственный аппарат и единые законы и нормы, а также гражданское общество как совокупность неофициальных организаций, действующих в рамках принятых правил.

Важнейшим аспектом нациестроительства является формирование национальной идентичности и ее помещение в иерархии идентичностей членов нации на *первое* место. Между тем, нация часто остается дифференцирована внутри себя из-за устойчивости (константности) этнической идентичности. Этническая и национальная идентичности, как в развитых, так и в развивающихся и переходных государствах по-прежнему сосуществуют как две конкурирующие формы групповой идентичности. Для первой основу составляет культурная общность, для второй – политическая (государственная).

Современные полиэтничные государства характеризуются различной этнополитической ситуацией, которую можно описать двумя уровнями политических отношений: 1) Субъект-объектные, где субъектом выступает государство в лице титульной или доминирующей нации, а объектом остальные этнические группы, занимающие подчиненное положение; 2) Объект-объектные отношения, политическое взаимодействие равных по своему политическому статусу народов внутри полиэтничного государства.

Решая задачи нациестроительства, государство пытается воздействовать на этнополитическую ситуацию с помощью национальной политики. Национальная политика может быть двух типов (А.Г. Здравомыслов). Конфронтационная национальная политика, свойственная недемократическим обществам, основана на силовом давлении: экономическая, культурная и языковая дискриминация этнических меньшинств, попытки ассимиляции, силовое воздействие и даже геноцид. Рефлексивная национальная политика характеризуется осторожностью в выборе средств, предполагает ориентацию на интересы входящих в государство этносов. Именно в рамках рефлексивной национальной политики реализуется идея федерализма, которая считается наиболее удачной формой обустройства крупных полиэтничных государств в условиях демократии. Так как проведение административных границ по этническому признаку трудноосуществимо, в правовой системе многих государств присутствует концепция автономии.

В российской государственно-правовой системе существуют два институциональных решения реализации права нации на самоопределение: этно-территориальные субъекты (республики) и возможность создания национально-культурных автономий.

Во втором параграфе «Институциональный подход в исследовании этнополитических процессов в России» раскрываются возможности использования институционального подхода к этнополитическим исследованиям.

Под этнополитическим процессом мы понимаем особый вид социально-политических и исторических процессов, который представляет совокупность связанных между собой в пространстве и во времени действий различных этнических групп и их организаций (акторов), направленных на достижение их целей и защиту интересов через использование власти. Неудовлетворенность этноса своим политическим и экономическим статусом в государстве, уровнем представительства во власти, культурная дискриминация может вызвать закономерный протест. Для защиты своих прав и выражения интересов этнические группы создают устойчивые связи, правила, нормы и организации, то есть воспроизводят и создают политические институты.

Опираясь на методологию институционального подхода, можно различать *институционализованные* (государство, национально-политическое движение (организация), автономия, республика), действующие в рамках формальных правил, и *неинституционализованные* (этносоциальные общности, группы, кланы), действующие в рамках неформальных ограничений, подчиняющиеся традициям и исторически сложившимся культурным условностям, *акторы* этнополитического процесса.

С точки зрения исторического институционализма, институты (конституция, государственные структуры, сети политики) формируются исторически и изменить их трудно. Политические изменения происходят спонтанно, за счет стихийного взаимодействия субъектов политики, когда меняются «правила игры»; и сознательно, под влиянием государства, которое накладывает институциональные ограничения. Поэтому изменения, инициированные этническими группами и их институционализованными субъектами в ходе политической борьбы можно квалифицировать как стихийные и неформальные, а целенаправленные действия государства по проведению в жизнь принципов и норм политического участия для этнических групп – сознательные и формальные. Существенные институциональные изменения происходят редко, только при определенных факторах: политические и социальные кризисы, войны, революции. Таким образом, эволюцию институтов можно разделить на «нормальные периоды» (институты в основном остаются неизменными) и «критические», когда открываются возможности для существенных изменений¹²⁴.

В теории предлагается несколько подходов к институциональным решениям для полиэтничных государств. Первый подход связан с центрированной моделью Д. Горовица¹²⁵. Он предложил интегрировать этнические группы в политические процессы таким образом, чтобы не усиливать, а ослаблять этнические различия и стимулировать межгрупповые взаимодействия.

Второй подход связан с консociативной моделью демократии, предложенной А. Лейпхартом¹²⁶. Он предлагал разделять властные позиции в государстве с учетом этничности, через установление квот, а также использование территориальной и экстерриториальной автономии в качестве институциональных решений в полиэтничных государствах.

¹²⁴ Панов П.В. Институционализм рационального выбора // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 59.

¹²⁵ Horowitz D. Ethnic groups in conflict. University of California Press, 1985.

¹²⁶ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.

Среди российских авторов, исследующих этнический фактор в институционализации власти в России, можно назвать П.В. Панова. Согласно его заключению, практически во всех республиках РФ (кроме Карелии) этническая компонента так или иначе учитывается при распределении властных позиций¹²⁷.

Этнополитические процессы в России остаются предметом анализа ученых на протяжении 1990-х - 2000-х гг. Работы Р.Г. Абдулатипова, В.А. Ачкасова, Л.Ф. Болтенковой, Л.М. Дробижевой, Н.П. Медведева, Э.А. Паина, В.А. Тишкова, М.Х. Фарукшина, корифеев отечественной этносоциологии и этнополитологии, заложили основы изучения современных этнических процессов, федерализма, местного самоуправления и обеспечения представительства этносов в органах власти в стабилизации этнополитических процессов.

В третьем параграфе «Политические процессы на Северном Кавказе в современном научном дискурсе» анализируются достижения политологии в исследовании социально-политических процессов в этом регионе.

Северный Кавказ в течение долгого времени является предметом пристального внимания историков, социологов и политологов. Причем исследователи современных политических процессов очень часто проводят исторические параллели¹²⁸ с нынешними событиями, подчеркивая огромную роль традиционных ценностей в региональных социально-политических процессах.

В 1990-е гг. появились исследования региональных политических процессов на Северном Кавказе, которые не только анализировали факты, но и обратились к их теоретическому осмыслению. В этом смысле интерес представляет статья А. Борова и К. Дзамихова¹²⁹, они определили этнополитический процесс на Северном Кавказе, как совокупность фаз политического равновесия (или стабильности) в регионе и фаз кризисов. В свою очередь А.И. Смирнов¹³⁰ предложил анализ факторов, определяющих тенденции политического развития в регионе. Он выделил две группы факторов: долгосрочные, действие которых носит длительный характер (этнический состав населения, традиционные социальные структуры, историческая память горских народов), и ситуативные,

¹²⁷ Панов П.В. Этничность в распределении властных позиций в полиэтничном обществе: проблемы и решения // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А. –Н. З. Дибирова. – Изд-во «Аспект Пресс», 2015. – С. 155-156.

¹²⁸ Савельев А. История нас ничему не научила. Об уроках Кавказской и Чеченской войн // Российская Федерация. – 1997. №5. – с. 48-50; Гагагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Дипломатический вестник. – 1998. №10. – С. 74-80; Панеш Э.Х. Традиции в политической культуре народов Северо-западного Кавказа // Этнические аспекты власти. – СПб.: Языковой центр, 1995. – С. 21-29. и др.

¹²⁹ Боров А., Дзамихов К. Россия и Северный Кавказ. Современный политический опыт в историческом контексте // Полис. – 1998. №3. – С. 192 – 202.

¹³⁰ См.: Смирнов А.И. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. – М.: ИМЭМО РАН, 2001. – 111 с.

возникающие в конкретных условиях (ухудшение экономического положения, усиление влияния криминальных структур, новые религиозные тенденции и т.д.).

Интересной в методологическом плане представляется работа С.М. Воробьева и А.М. Ерохина¹³¹, где на макроуровне объектом исследования являются процессы взаимодействия между этническими общностями и политическими институтами Российской Федерации, а на микроуровне – взаимодействие людей с определенной этнической идентичностью и их политическим выбором, а также институтами власти. По их мнению, вся история народов Северного Кавказа характеризовалась диалектической взаимосвязью центростремительных и центробежных тенденций, что было обусловлено географическим положением, полиэтничностью и поликонфессиональностью, высоким уровнем этногрупповой конкуренции.

Предметные поля современных исследований Северного Кавказа столь же многообразны, как существующие в регионе проблемы: конфликтный потенциал, угроза терроризма и экстремизма, религиозный фактор, роль элит, формирование и функционирование властных институтов, коррупция и многие другие. Ученые-кавказоведы¹³² сходятся во мнении, что Северо-Кавказский регион является более конфликтогенным, чем другие регионы России. Сохраняется возможность этнополитической мобилизации и возникновения новых конфликтов, связанных с обострением социально-экономических проблем, территориальными спорами, активизацией миграционных потоков, появлением беженцев, ксенофобией, политизацией и радикализацией ислама, клановостью в структурах власти и управления, утратой доверия населения к региональным и федеральным органам власти, воздействием на ситуацию зарубежных игроков.

Среди иностранных работ, посвященных политике России на Северном Кавказе, которые также многочисленны, хотелось бы упомянуть статью П. Гобля¹³³. Он называет три основные идеи, которые, на наш взгляд, отражают доминирующую логику зарубежных исследований. Первая мысль касается расширения круга акторов, вовлеченных в региональные политические процессы – это не только Россия, но и исламский мир, и глобальное мировое сообщество. Вторая идея – необходимость более тщательного рассмотрения демографии, религии, политики и идей Северного Кавказа. И, наконец, П. Гобль настаивает на

¹³¹ Воробьев С.М., Ерохин А.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: источники, движущие силы, тенденции. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. – 136 с.

¹³² См., например: Дмитриев А.В. Юг России: конфликтологическая экспертиза. – М.: Альфа-М, 2010. – 192 с.; Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформатротех», 2010. – 264 с.; Авксентьев В.А. Этнополитический кризис на Северном Кавказе: опыт сценарных прогнозов // Конфликтология. 2016. Т.2. С. 89-104 и др.

¹³³ Goble P. The Future of the North Caucasus // Volatile Borderland: Russia and the North Caucasus. Ed. by Glen E. Howard. Washington, DC: The Jamestown Foundation, 2011. – P.29-43.

том, чтобы рассматривать Российскую Федерацию как некое искусственное образование, наследие Сталина, который произвольно нарисовал границы на Кавказе, а, значит, наше государство обречено на распад. К сожалению, в зарубежных исследованиях кавказской проблематики последние десять лет все отчетливее проступает наследие американской советологии. Наблюдается излишняя идеологизация оценок происходящих событий, упреки в адрес федерального центра РФ в неэффективности и недемократичности принимаемых мер для стабилизации ситуации на Северном Кавказе.

Во второй главе «Генезис политических институтов северокавказских народов в исторической ретроспективе» представлена эволюция институциональных изменений на Северном Кавказе со времени включения территории в орбиту политического влияния Российской Империи до распада СССР.

В первом параграфе «Традиционные элементы осуществления власти в горских обществах и Имамат Шамиля» исследуются институциональные изменения в период колонизации Кавказа Российской Империей. До проникновения России на Северном Кавказе исторически не сложилось какого-либо устойчивого государственного образования. Вместе с тем, у всех народов региона существовали традиционные институты управления на местах. Одни народы управлялись князьями (например, кумыки), другие собраниями взрослых мужчин общины (у народов Дагестана они назывались джамааты и дандельи, у осетин – нихасы, у черкесов – хасэ). Даже у тех этносов, у которых сложились аристократические фамилии, наиболее важные вопросы могли решаться на общем народом собрании.

Со времени присоединения Кавказа к России становление управленческих структур проходило в условиях российской государственности. План замирения Кавказа, предложенный наместником А.П. Ермоловым в 1816 г., заключался в насильственном переселении чеченцев и других непокорных народов с плодородных равнинных земель в горы, а их земли заселить казаками и ногайцами. Действия российской администрации натолкнулось на противодействие некоторых ханств и горских обществ и создали условия для выдвижения воинственных лидеров, способных возглавить сопротивление, которое в истории носит название Кавказская война 1816-1864 гг. Постепенно набеги и массовые движения горцев против российской власти начали приобретать идеологический (религиозный) характер священной войны (газавата). Лидерами этой борьбы стали имамы, в разное время возглавлявшие движение горцев Северо-восточного Кавказа: Гази-Магомед (Кази-Мулла) (1830-

1831 г.), Гамзат-бек (1834 г.), Шамиль (1834-1859 гг.); а также Магомед-Амин, организовавший движение адыгов на Северо-западном Кавказе (1849-1851 гг.). Наиболее сильное из государственных образований горцев имамат Шамиля за время своего существования 1830-1859 гг. трансформировалось от коллегиальной теократии к монархической.

Однако военные поражения Шамиля в Дагестане и Магомед-Амина у черкесов привели к расколу местной знати, часть которой, уверившись в бесполезности сопротивления, поспешила заявить о своей лояльности Российскому государству, стремясь сохранить свой статус в горских обществах.

После Кавказской войны и присоединения Кавказа к Российской Империи местная элита надолго была отстранена от распределения ресурса власти и политического управления регионом. Российское государство проводило административно-территориальные преобразования, которые могли бы облегчить управление краем, то есть устанавливало институциональные ограничения, направленные на унификацию системы управления и включение региона в империю. Были проведены земельная, судебная и военная реформы, причем с учетом некоторых местных особенностей (создание земельных комитетов, создание аульных и окружных судов, которые проводили судопроизводство, пользуясь нормами обычного права (адата) и шариата, освобождение горцев от обязательной военной службы и замена ее налогом). Местная знать интегрировалась в верхние слои российского общества, прежде всего, через службу в армии, в то время как военно-гражданское управление было сосредоточено в руках русских чиновников.

До Первой русской революции 1905 г. представители северокавказских народов были допущены лишь к местной власти на уровне аульных старшин. И только в 1906 г. горцы получили возможность представлять свои интересы на имперском уровне, были допущены к выборам в Государственную думу. Но власти старались ограничить возможность прохождения в Думу представителей тех народов, которые проявили наибольшую активность в революционном движении.

Период колонизации Северного Кавказа Российской Империей, по сути, является периодом складывания институциональной, правовой и экономической зависимости региона от российского государства, началом его интеграции в общероссийскую политическую систему.

Второй параграф носит название «**Борьба политических сил на Северном Кавказе в период революций 1917 г. и гражданской войны**». Между февральской и октябрьской революциями 1917 г. представители северокавказских

народов (горская знать, буржуазия, интеллигенция и представители духовенства) создали исполнительные комитеты на местах, а затем государственное образование Союз объединенных горцев Северного Кавказа. Таким образом, они не только расширили свое участие в управлении регионом, но и попытались взять власть в свои руки.

Во время Гражданской войны на Северном Кавказе горское общество и местные элиты были расколоты на несколько политических сил, каждая из которых предлагала собственные институциональные решения для управления регионом:

- Горское правительство выступало за создание национального государства и отделение от России. Оно было вынуждено эмигрировать, и сошло с политической арены, так и не добившись признания от международного сообщества. Следует подчеркнуть, что до Октябрьской революции, Союз объединенных горцев выступал за создание автономии кавказских народов в демократической России. И только переворот 25 октября заставил Горское правительство, состоящее из представителей местной знати и буржуазии, заявить об отделении от России. То есть мотивы отделения были скорее не этнонациональные, а экономические.

- большевики, опиравшиеся, прежде всего, на безземельных и малоземельных горцев, обещали им возвращение земель, отнятых казаками, выступали за свободные и демократические выборы. Провозглашая лозунг права нации на самоопределение, они выступали за автономизацию и впоследствии встали у истоков формирования Горской АССР в 1921 г.

- генерал А.И. Деникин, который выдвинул лозунг «Единая и неделимая Россия», настаивал на сохранении имперского принципа управления покоренными народами и опирался преимущественно на казаков. Его политика усмирения горцев осуществлялась в традициях генералов Кавказской войны и обеспечила большевикам поддержку горцев, пострадавших от притеснений Добровольческой армии.

- религиозные деятели и духовные лидеры выступали за создание теократической монархии (Н. Гоцинский, Узун-Хаджи).

В период между двумя революциями наметились изменения в представлении горской элиты о механизмах выдвижения во власть: местные политические деятели Февральской революции, которые позже сформировали Горское правительство, выступали за всеобщие выборы и пропорциональность этнического представительства в органах власти. За свободные демократические выборы выступали также большевики. В целом для этого периода была

характерна институциональная неопределенность, обусловленная кризисом российской государственности.

В третьем параграфе «Северный Кавказ в политической системе СССР/РСФСР» раскрываются институциональные преобразования в регионе в советский период.

Именно тогда была создана государственность северокавказских народов в виде автономий. Автономные республики и области стали важным институциональным ресурсом для роста этнического самосознания и идентичности. Однако автономии находились в полной политической зависимости от Центра. Распределение ресурса власти осуществлялось по партийной номенклатуре. Так же, как и после Кавказской войны, происходила интеграция северокавказского общества в общегосударственную (советскую) политическую систему. Были проведены коллективизация и индустриализация, причем без учета местных особенностей. Антирелигиозная политика государства привела к тому, что ислам в 1920-е-1930-е гг. стал идеологией многочисленных антисоветских повстанческих движений.

В 1944 г. Советское правительство обвинило чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев в предательстве, дезертирстве, «пораженческих настроениях» и сотрудничестве с гитлеровцами и депортировало их в Среднюю Азию, а их автономии были ликвидированы.

Помимо административно-территориальных реорганизаций, данный период характеризуется активным социально-политическим и культурным воздействием со стороны центра, например, имело место массовое распространение грамотности.

1956-1957 годы были периодом реабилитации и репатриации депортированных народов, восстановления их автономий. Однако не все территории были возвращены репрессированным, это в дальнейшем повлекло за собой большое число социально-экономических проблем, а также территориальные споры.

Все же период с середины 1920-х до конца 1980-х гг. можно охарактеризовать как период институциональной определенности, навязанной сверху. Несмотря на наличие всплесков протестных настроений, они не принимали системный характер, не было ни политических сил, ни групп, способных изменить сформировавшуюся институциональную среду.

С началом перестройки и гласности представители этнической интеллигенции начали озвучивать проблемы социально-экономического характера и исторические обиды. Они встали у истоков институционализации не

только демократических, но и этнических движений. Эти неформальные акторы выступили с политическими требованиями, которые приняли наиболее острый характер после поражения ГКЧП. Они выступали за провозглашение суверенитета, территориальную реабилитацию, смещение руководства республик и проведение демократических выборов.

На фоне кризиса советской государственности возникла ситуация институциональной неопределенности, и неформальные общественные и этнические движения получили возможность оказывать давление на официальные власти. Так, в условиях падения престижа республиканских органов управления, дезинтеграции Центра и региона, произошел переворот в Чечне, и к власти пришло этническое движение во главе с Д. Дудаевым.

В третьей главе **«Политическая институционализация на Северном Кавказе и становление новейшей российской государственности»** раскрывается взаимодействие и борьба политических акторов в условиях формирования новой институциональной среды в ходе реформы федеративных отношений.

В первом параграфе **«Развитие российского федерализма и политические процессы на Северном Кавказе»** исследуется становление новейшей российской государственности в постсоветский период, роль федерального центра в стабилизации политических процессов в регионе.

Изучение развития федерализма в России позволяет выявить два периода, каждый из них характеризовался определенным состоянием политических институтов и «правил игры» на Северном Кавказе:

В период с 1991 г. по 1999 г. наблюдалось стихийное изменение политических институтов в условиях борьбы конкурирующих политических акторов за власть и легитимность. При этом до 1996 г. политические акторы могли использовать силовые методы: осетино-ингушский конфликт 1992 г., первая Чеченская война (1994-1996 гг.). В сложнейших условиях «парада суверенитетов» и вооруженных конфликтов удалось подписать Федеративный договор и принять Конституцию России.

Во второй половине 1990-х гг. установилась «договорная модель» отношений между центром и республиками. Опираясь на положения Федеративного договора, Северо-Кавказские республики приняли собственные конституции, провозгласив суверенитет. В политическую практику вошло подписание двусторонних соглашений между федеральным центром и регионами (такие договоры были подписаны с Кабардино-Балкарией и Северной Осетией), они подкрепляли позиции региональной власти. Договор о мире между

Российской Федерацией и Чеченской Республикой (Ичкерией), подписанный 12 мая 1997 г., привел к передышке в решении проблемы чеченского сепаратизма, а также подвел черту под формированием «договорной» федерации. Было очевидно, что «договорная модель» создавала угрозу децентрализации власти.

Период с 2000 г. по настоящее время характеризуется стабилизацией политических процессов на фоне институциональных ограничений и «правил игры», установленных сверху, из центра. На первом этапе реформы федеративных отношений были учреждены федеральные округа (Северный Кавказ вошел в Южный федеральный округ, а с 19 января 2010 г. существует Северо-Кавказский федеральный округ), причем полномочный представитель Президента РФ фактически был поставлен над региональными властными структурами.

На втором этапе реформы в закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» вносились значительные изменения, которые предусмотрели ответственность руководителей республик за неисполнение федеральных законов и возможность их отрешения от должности. А в декабре 2004 г. произошла отмена прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ. Республики Северного Кавказа были вынуждены ревизовать свои конституции и законы для приведения их в полное соответствие с Конституцией РФ и федеральными законами. Причем, установление вертикали власти не вызвало протестов со стороны представителей региональных элит, в первую очередь, в силу дотационного характера экономики СКФО. Республики Северного Кавказа традиционно лидируют в списке дотационных регионов России, при этом доля безвозмездных поступлений в консолидированных бюджетах Ингушетии и Дагестана периодически достигает 60-75%. Высокая финансовая зависимость регионов от федерального центра делает принцип самостоятельности бюджетов субъектов РФ чисто декларативным.

В ходе развития федеративных отношений в постсоветской России было опробовано несколько альтернатив: договорная или конституционная федерация, горизонтальный или вертикальный бюджетный федерализм; самостоятельность региональных органов власти в распределении властных полномочий или жесткий контроль из центра. В результате институциональных ограничений, наложенных в процессе реформы, Российская Федерация стала конституционной, с вертикальным распределением бюджетных средств и жестким контролем над наделением властью в регионах со стороны центра. Все это делает наше государство отчасти схожим с унитарным. Но нельзя не признать, что именно эти

институциональные изменения позволили сохранить целостность России и стабилизировать политические процессы на Северном Кавказе.

Во втором параграфе «**Институциональные изменения исполнительной власти в республиках Северного Кавказа**» раскрывается развитие исполнительной власти в региональном политическом процессе. «Парад суверенитетов», охвативший Северо-Кавказские народы в начале 1990-х гг., привел не только к повышению политико-правового статуса бывших советских автономий, но и к введению нового для региональной политической системы («импорту») института президентства.

Лишь в Дагестане введение института президентства было негативно воспринято полиэтничным обществом республики. Здесь был создан так называемый «коллегиальный президент» - Государственный Совет, в который входили представители 14 этнических групп. Причем, руководство Дагестана трижды – в июне 1992 г., в декабре 1993 г. и в марте 1999 г. – пыталось ввести пост президента через проведение референдума, и трижды получало от населения отрицательный ответ.

По итогам первых (1991-1994 гг.) и вторых (1996-1999 гг.) президентских выборов в республиках Северного Кавказа лидерские позиции, за небольшим исключением, сохранились у представителей старой партийной номенклатуры. Только в Ингушетии и Карачаево-Черкессии на выборах победили выходцы из среды военных.

Основным преимуществом введения института президентства было формальное закрепление за республиканской властью претензий на суверенитет. Однако поддержание статуса института президентства было связано с определенными издержками: необходимостью самостоятельно решать экономические и социальные проблемы, противостоять давлению внутренней оппозиции. В борьбе с лидерами этнических движений власти Северо-Кавказских республик использовали «торг» (инкорпорацию лидеров неформальных организаций в правящую элиту и допуск к выгодным отраслям экономики) и «принуждение» (судебные разбирательства и запрет неформальных организаций).

Республиканские выборы 2002-2004 гг. продемонстрировали усиление влияния федерального центра на избрание президентов Северо-Кавказских республик, а также начало качественных изменений в составе политической элиты региона: вытеснение бывших номенклатурных работников и бывших военных (которые лидировали в региональных выборах в 1990-е гг.) представителями деловых и финансовых кругов. Значимым условием для победы кандидата на выборах стала поддержка со стороны руководства РФ.

Отмена прямых выборов президентов республик в 2004 г. стала следующим шагом в укреплении федерализма, и в то же время привела к существенному изменению статуса главы исполнительной власти субъекта РФ. Из политиков, которые ранее формировали себе команды поддержки и работали с избирателями, они превратились в чиновников назначенцев.

В 2005-2006 гг. в республиках Северного Кавказа произошла череда «добровольных отставок» высших должностных лиц. Представители бывшей партийной номенклатуры А. Дзасохов, В. Коков, М. Магомедов ушли со своих постов. А новые назначения показали, что членство в партии власти «Единая Россия» и поддержка со стороны федерального центра стали ключевыми факторами в наделении властью на региональном уровне.

Таким образом, институт президентства, введенный в республиках Северного Кавказа в 1990-е гг., не выдержал испытания временем. Причем руководители республик не возражали против изменения своего статуса, и даже один за другим отказывались от названия должности «президент», став главами республик.

2 апреля 2013 г. Президент России В.В. Путин предоставил субъектам РФ право самостоятельно решать, проводить ли прямые выборы или выбирать главу региона путем голосования депутатов представительных органов власти¹³⁴. В 2013 г. Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия приняли решение, что выборы глав этих республик будут осуществляться депутатами парламентов. Хотя и результаты проведенных социологических опросов в Дагестане и выступления общественности Ингушетии в прессе говорили за прямые выборы. Ряд Северо-Кавказских республик (Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия) провели выборы глав, руководствуясь новыми правилами. На наш взгляд, при сложившейся системе, когда руководители республик фактически встроены в вертикально-бюрократизированную систему управления в России, выборы власти руками самой власти не приведут к качественному изменению исполнительных органов.

В третьем параграфе «Формирование законодательных (представительных) органов власти» исследуются этапы развития института парламентаризма на Северном Кавказе. В период становления представительной власти в регионе в 1990-е гг. республики, опираясь на положения Федеративного договора, самостоятельно определяли принципы организации институтов государственного управления и проведения выборов, закрепляли их в своих

¹³⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. №30-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 2013, 5 апреля.

законах и конституциях. Представительные органы власти были однопалатными, за исключением Кабардино-Балкарии¹³⁵. А Конституция Республики Дагестан закрепляла этническое квотирование при выборах депутатов Народного Собрания через систему национальных округов.

В составе республиканских парламентов двух первых созывов основными социально-профессиональными группами были «директорат», государственные и муниципальные чиновники, депутаты прежних созывов. Законодательные собрания первого созыва отличались более широким представительством (в них были лидеры этнических движений и представители СМИ), но в конце 1990-х гг. наблюдалось ограничение каналов продвижения в представительную власть. Возросла роль административного ресурса, что выразилось в наличии в законодательных органах большого числа членов правительства и глав местных администраций (которые тогда даже могли совмещать роль депутата с должностью в местной администрации). Уменьшилась роль общественных движений (религиозных и этнических). При этом партии в 1990-е гг. не играли большой роли в избирательных кампаниях и не были представлены в региональных парламентах. Скорее всего, руководители республик были заинтересованы в слабой представительной власти, чтобы она не могла составить противовеса исполнительной.

В 2000-е гг. в ходе реформы федеративных отношений изменился механизм формирования представительных органов в субъектах РФ. Усилилась роль партий в региональных парламентах, не менее половины мест в парламентах должно было распределяться между кандидатами от избирательных объединений.

Однако, уже выборы 2003-2007 гг. показали, что новые «правила игры» и институциональные ограничения, требовавшие расширения партийного участия в республиканских парламентах, использовались в сочетании с давно сложившимися неформальными социальными практиками. Депутатские места по-прежнему распределялись между «бизнесом» и «госслужбой». Кроме того, в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгее сохранилась принятая система этнического квотирования. Следует также отметить, что «Единая Россия» имеет самые многочисленные фракции в парламентах республик Северного Кавказа (до 70-80% депутатского корпуса). То есть партия, лидирующая на федеральном уровне, перенесла свой успех на уровень региональный, что, с одной стороны, приводит к укреплению вертикальной связи

¹³⁵ В парламенте КБР было две палаты - Совет Республики и Совет Представителей.

центра и региона, с другой, ставит под сомнение качество региональных законодательных институтов власти¹³⁶.

Результаты различных социологических опросов, проведенных в республиках Северного Кавказа в 2013-2014 гг.¹³⁷, выявили слабое доверие населения к политическим партиям (77% население не являются сторонниками ни одной из политических партий) и региональным выборам (около 40% склонны не доверять результатам выборов). Не веря в объективность и честность выборов, около 15% населения региона никогда не участвуют в выборах, а 27% редко участвуют в выборах, что расходится с официальными цифрами по явке в Северо-Кавказском регионе.

Четвертый параграф **«Институционализация этнических и религиозных движений на Северном Кавказе»** раскрывает роль этнических движений и религиозных организаций в современном региональном политическом процессе.

Уникальной политической организацией стала созданная в 1989 г. Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК), целью которой была поддержка этнических групп при решении политических и экономических проблем. Можно провести исторические параллели с Горской республикой 1917-1918 гг., которая также была попыткой интеграции северокавказских народов в единую политическую организацию. Однако Конфедерация не состоялась из-за несовпадающих интересов входивших в нее народов, и охватившего все этнические группы роста этнического самосознания – каждый народ стремился создать собственное движение.

Некоторые из них спровоцировали серьезные конфликты, как, например, Объединенный конгресс чеченского народа, выступивший за отделение Чечни. Бескомпромиссные требования выдвинула ингушская «Нийсхо», настаивая на возврате Пригородного района, вошедшего после депортации в состав Северной Осетии. С требованиями возврата территорий, утраченных в результате советских административно-территориальных реорганизаций и депортаций, выступили кумыкский «Тенглик» и Исполком Съезда чеченцев Ауха в Дагестане.

¹³⁶ Согласно социологическим опросам, проведенным в различных республиках, уровень доверия законодательным собраниям республик среди населения крайне низок. В ходе опроса, проводимого специалистами ДНС РАН в 2013 г. на вопрос «Пользуются ли у Вас авторитетом депутаты Народного Собрания Республики Дагестан?» только 12,8% респондентов ответили «да» (Мамараев Р.М. Дискуссии о прямых выборах глав субъектов Северного Кавказа и мнения дагестанского избирателя // Труды политологической школы «Каспий». Вып. 2-й / Под ред. Проф. А.-Н.З. Дибирова. – Махачкала, 2014. – С. 217.) Сходные результаты демонстрируют результаты опроса Центра современной кавказской политики «Кавказ» в Кабардино-Балкарской Республике в 2013 г. На закрытый вопрос о доверии к институтам власти «Кому Вы больше доверяете?» ответ «депутатам Парламента Кабардино-Балкарской Республики» выбрали 9% респондентов. (Социологический срез общественного мнения населения Кабардино-Балкарской Республики. Ноябрь 2013 // Центр современной кавказской политики «Кавказ» <http://politkavkaz.ru/upload/iblock/fac/face7ba8874cfb7f8d93091cb9852059.pdf>)

¹³⁷ Попов Н.П., Хайкин С.Р. Северный Кавказ: трудный диалог с властью // Коммуникология – Communicology. 2014. Т. 6. №4. – С. 124-155.

Разделенные народы Северного Кавказа, выступавшие за воссоединение своих частей, также создавали собственные организации (осетины – «Адамон Цадис», лезгины – «Садвал», ногайцы – «Бирлик»). Другие народы создавали свои организации, чтобы выступить в качестве оппозиции республиканским органам управления, для пересмотра своего участия в распределении власти (Аварское и Лакское народные движение против даргинцев в Дагестане, Национальный совет балкарского народа против кабардинцев в Кабардино-Балкарии).

С середины 1990-х гг. наметился спад политической активности этнических движений, некоторые из них перестали участвовать в региональном политическом процессе. По нашему мнению, на то было несколько причин:

1) деятельность ряда этнических движений оказалась под судебным запретом, например, Конгресс кабардинского народа и Национальный совет балкарского народа;

2) заметную роль сыграли внутренние противоречия в рядах руководства неформальных организаций, например, раскол лезгинского движения в 1993-1996 гг.

3) некоторые этнические движения ослабли из-за того, что их главной задачей было выдвижение новых лидеров в официальные властные структуры. После вхождения их лидеров в республиканские органы управления снизили активность аварский Народный фронт им. имама Шамиля, лакское движение «Кази-Кумух», лезгинское «Садвал».

Со второй половины 1990-х деятельность этнических движений практически не выходит за институциональные рамки норм федеральных законов «Об общественных объединениях» (1995 г.) и «О национально-культурной автономии» (1996 г.).

В тоже время началась активная фаза функционирования религиозных движений, в том числе радикальных. Исламские организации в регионе в настоящее время сильно разобщены, на Северном Кавказе действуют как организации традиционного ислама, являющиеся важными общественными организациями, так и радикальные исламские группировки, замешанные в терактах, ведущие борьбу с официальной властью под лозунгом отделения Кавказа от России.

Во второй половине 2000-х гг. возобновилось функционирование таких институтов как съезды народов: Конгресс карачаевского народа (2005 г.), Съезд народа Ингушетии (2009 г.), многочисленные черкесские съезды и конгрессы. В целом, очевиден спад политической активности этнических движений в отличие от первой половины 1990-х гг. В настоящее время неформальные организации не

создают заметной конкуренции формальным органам власти, что свидетельствует о периоде институциональной стабильности. Вместе с тем, этническая идентичность остается наиболее четким основанием для обобществления интересов и действий народов Северного Кавказа.

В четвертой главе «Перспективы политических институтов на Северном Кавказе» анализируется развитие политических институтов в регионе в условиях модернизации и глобализации.

Первый параграф «Институциональные решения и перспективы федерализма на Северном Кавказе» рассматривает возможные институциональные пути развития Российской Федерации. Многие исследователи связывают будущее российского федерализма с преодолением «ассиметричного» характера в отношениях центра с «русскими» регионами и республиками, а также ликвидацией регионов-«матрешек». Уже состоялись укрупнения субъектов РФ, при которых этнические автономные округа входили в состав «русских регионов»: создание Пермского края в 2003 г., укрупнение Красноярского края и создание Камчатского края в 2007 г., укрупнение Иркутской области и создание Забайкальского края в 2008 г.

В начале 2000-х гг. среди политиков и журналистов началось обсуждение различных вариантов слияния субъектов Северного Кавказа. В частности, предлагалось возвращение Адыгеи в Краснодарский край, Карачаево-Черкесии – в Ставропольский, а также объединение Чечни и Ингушетии. Однако этнические движения – Конгресс карачаевского народа и черкесское движение «Адыгэ Хасэ» – выступили с резкой критикой таких институциональных решений. Очевидно, что укрупнение регионов на Северном Кавказе будет чревато возникновением новых конфликтов и не может быть проведено безболезненно. Анализируя уже произошедшие в 2003-2008 гг. объединения субъектов РФ, мы видим, что экономический расчет был связан с тем, что более слабый регион присоединялся к более сильному. В случае же с Северо-Кавказскими республиками вряд ли можно надеяться на положительный эффект путем объединения экономически слабых субъектов без предварительного проведения серьезных реформ. В результате создания в 2010 г. СКФО, в нем оказались сконцентрированы самые проблемные в социально-экономическом отношении регионы, где русское население составляет менее трети.

Еще одно возможное институциональное решение – экстерриториальная автономия – предусмотренное законодательством создание национально-культурной автономии для этнических меньшинств. У НКА есть определенные преимущества: 1) она не связана с территорией и не ведет к территориальным

претензиям; 2) объединяет этнически и культурно-родственные народы, проживающие разрозненно; 3) является результатом личного выбора людей, а не объективного проживания на определенной территории; 4) служит сохранению этнокультурной и языковой самобытности малых народов. В качестве позитивного примера может служить создание Федеральной лезгинской национально-культурной автономии (ФЛНКА) в 1999 г. Однако национально-культурная автономия не может оказывать влияния на решение политико-правовых проблем этнических групп¹³⁸, что делает ее малоэффективным институтом.

В 1990-е гг. существовала некоторая неопределенность в функциях и полномочиях федеральных институтов, которым отводилась роль регуляторов межэтнических отношений в России. С 2004 г. вопросы государственной национальной политики и межнациональных отношений, защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации находились в ведении Министерства регионального развития РФ¹³⁹. Однако, в 2014 г. Минрегион России был упразднен, а его функции сначала были поделены между другими министерствами. В марте 2015 г. указом Президента РФ №168 было образовано Федеральное агентство по делам национальностей, одной из важных его целей выступает обеспечение межнационального согласия, этнокультурного развития народов Российской Федерации, защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов России.

В настоящее время в структуре правительства РФ действует Министерство по делам Северного Кавказа. Беря во внимание создание в мае 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока, а также недолгое существование (с 31 марта 2014 г. по 15 июля 2015 г.) Министерства РФ по делам Крыма, можно предположить, что Центр перешел к прямому территориальному управлению пограничных и окраинных регионов России.

Во втором параграфе «Проблемы модернизации северокавказского социума» выявляются социально-экономические и социокультурные вызовы модернизации на Северном Кавказе. В 2009 г. модернизация страны была заявлена как основная задача современного исторического этапа. Модернизация подразумевает не только экономическое развитие с усвоением наиболее

¹³⁸ Так ФЛНКА оказалась неспособна предотвратить ратификацию Договора между РФ и Азербайджанской Республикой 17 июня 2011 г. о передаче водозабора реки Самур, вместе с двумя сёлами Храх-Уба и Урьян-Уба и 600 живущими там лезгинами.

¹³⁹ Указ Президента РФ от 13.09.2004 N 1168 (ред. от 24.09.2007) "О Министерстве регионального развития Российской Федерации" (13 сентября 2004 г.)// Правовая база КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71261/

передовых технологий, но и одновременное изменение социальных, политических и культурных институтов.

Между тем, социально-экономические показатели республик Северного Кавказа демонстрируют существенное отставание от других регионов РФ. В структуре валового регионального продукта СКФО добывающая и обрабатывающая промышленность занимают от 4 % до 17% (ср. по России в среднем 29 %), это демонстрирует низкую степень индустриализации в регионе¹⁴⁰. Доля СКФО в общем объеме производства продукции сельского хозяйства России составила 7,7%¹⁴¹. Производственный потенциал СКФО в основном представлен производством нефтепродуктов (29 % выручки обрабатывающей и добывающей промышленности).

По данным статистики, в СКФО зарегистрировано меньше всего малых предприятий, чем в других федеральных округах России (без учета Крыма), 5,3 тыс. (2,2 % от количества малых предприятий в России в целом). Для сравнения в соседнем ЮФО насчитывается 18,3 тыс. малых предприятий, то есть в три раза больше, чем в СКФО. Инвестиции в основной капитал в субъектах Северного Кавказа не превышают 5,8% от общероссийского показателя, причем инвестиции вкладывают не туда, где они нужнее, а туда, куда их можно вложить, то есть в Ставропольский край. Самые низкие показатели по количеству малых предприятий и количеству занятых на них демонстрирует Республика Ингушетия.

В регионе высокий уровень безработицы (скрытой), при этом, большая доля безработных среди молодежи. Наблюдается дисбаланс демографического потенциала и рабочих мест, особенно в Дагестане из-за традиционно высокого уровня рождаемости. Отмечается высокий уровень преступности и высокий уровень террористической угрозы. Последний связан с влиянием радикального ислама.

В немалой степени переход от традиционности к современности заторможен из-за сильного влияния ислама. Мусульманские объединения, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры, на авторитет духовных лидеров предпринимают активные шаги для усиления своего влияния на процессы, происходящие в северокавказском социуме.

Одна из проблем модернизации состоит в том, что политическая элита республик Северного Кавказа сохраняет свойственные менталитету горских народов черты, которые тормозят формирование ценностей, институтов и

¹⁴⁰ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. № 1485-р

¹⁴¹ Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в 2015 году. – М.: Росстат, 2016. – С. 13.

отношений современного демократического общества. Для северокавказских народов сохраняется роль старшего группы, клана, тейпа, джамаата и других традиционных социальных структур. Особенность политической культуры народов Северного Кавказа состоит в приверженности групповым, родственным, коллективистским и иерархическим ценностям и нормам. Высокий уровень коррупции во властных и правоохранительных органах провоцирует рост недоверия граждан официальным институтам.

Модернизация северокавказского социума невозможна без существенных изменений в социальной сфере: решение социально-экономических проблем; пропаганда светских ценностей; модернизация высшего образования республик; реальная интеграция региона в единое культурное пространство России, повышение толерантности. Необходимо продолжать борьбу с коррупцией, преступностью и клановостью, а также находить новые формы взаимодействия и механизмы согласования интересов власти и общества.

В третьем параграфе **«Институционализация и консолидация этнических меньшинств в условиях глобализации»** анализируется влияние глобализации на политическую институционализацию этнических движений. Глобализация ведет к постепенному стиранию государственных границ. В то же время глобализация несет вызов этносам, особенно малочисленным, так как способствует ослаблению связей индивида с определенной этнической общностью. Поэтому этнические группы могут болезненно реагировать на угрозу растворения в глобализирующемся мире.

Одна из острых проблем – это наличие на Северном Кавказе разделенных народов. Черкесы имеют многочисленные диаспоры за рубежом вследствие массового исхода во время Кавказской войны 1816-1864 гг. Осетины и лезгины оказались разделены государственной границей после распада СССР.

Никогда не имевшие собственной государственности и немногочисленные народы консолидируются с родственными этническими группами за рубежом и стараются заявить о себе, как о нации, претендующей на создание собственного государства. Именно так действуют организации адыгов (черкесов) России – родственных народов адыгейцев, кабардинцев, черкесов и адгов-шапсугов, проживающих в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае. Международная черкесская ассоциация и «Адыгэ Хасэ» стали институционализированными субъектами консолидирующихся этнических групп, выдвигающими политические требования: признание геноцида черкесов во время Кавказской войны; возвращение соотечественников, проживающих за рубежом; консолидация адыгов России (учет их как одной этнической группы при

переписи населения); защита памятников этнической культуры. Зарубежные черкесские ассоциации (Турции, Израиля, Иордании, США, Бельгии, Канады, Германии, Сирии) поддерживают с черкесами России культурные связи.

Фаза активной консолидации южных и северных осетин пришлась на начало 1990-х гг., однако она ограничилась созданием организации «Стыр Ныхас» (Большой совет), на смену ему пришел «Аланты Ныхас». В настоящее время ни Республика Южная Осетия, добившаяся частичного международного признания, ни Республика Северная Осетия-Алания, находящаяся в составе России, не стремятся к реальному объединению.

В последние годы сильно активизировалось этническое движение лезгин на фоне нескольких серьезных проблем: недоверие к республиканской власти и недовольство системой этнического квотирования; демаркация российско-азербайджанской границы с передачей двух лезгинских сел в Южном Дагестане Азербайджану; строительство водовода «Самур-Дербент», угрожающее экологии территории компактного проживания лезгин; проблема сохранения лезгинского языка и культуры в Азербайджане. Активисты организации «Единство» («Садвал») высказываются за создание отдельного субъекта России на территории компактного проживания лезгин.

Еще один пример активизации неформального движения в условиях глобализации – создание виртуального государства «Имарат Кавказ», террористической организации, деятельность которой в 2010 г. запрещена в России. Используя свободу публикации и отсутствие цензуры материалов, размещаемых в глобальной сети, сепаратисты берут на вооружение следующие методы информационной войны: идеологическая корректировка новостей; специальные символы и способы самопрезентации; использование слов с неконвенциональным значением; ложное истолкование истории; гиперболизация негативных черт противника; и, наконец, создание собственного виртуального мира с использованием собственных географических названий. Сторонники Имарата Кавказ организуют теракты на территории России, вербуют террористов, участвуют в мировом «джихаде» (в частности, в деятельности запрещенного в России «Исламского государства»).

Рассмотренные в данном параграфе примеры политической институционализации показывают актуальность проблемы этнокультурной идентичности в условиях глобализации. Созданные неформальные организации стремятся не просто заявить о себе как об уникальных этнокультурных образованиях, но и придать себе бóльший вес на международной арене.

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются выводы:

На основании синтеза исторического институционализма, теории рационального выбора и полипарадигмального подхода к теории этничности мы выделяем шесть фаз политических процессов на Северном Кавказе, которые могут быть описаны в терминах «кризиса» и «устойчивости» политических институтов:

1. Период Кавказской войны 1816-1864 гг. характеризовался институциональной неопределенностью и высоким уровнем этнополитической напряженности. Колонизация Северного Кавказа Российской Империей натолкнулась на противодействие некоторых ханств, горских обществ и формирующегося государственного образования имамата Шамиля, оказавшегося неустойчивым перед натиском империи.

2. Период с 1860-х гг. по 1917 г. – период институциональной устойчивости на Северном Кавказе и интеграции региона в правовую и экономическую систему российского государства. Были проведены земельная, судебная и военная реформы, причем с учетом некоторых местных особенностей, имперские власти не посягали на традиционные элементы общественного самоуправления на низовом уровне.

3. Период с февраля 1917 г. до окончания гражданской войны – период стихийных изменений «правил игры», спровоцированный кризисом государственной системы. Горское общество и местные элиты были расколоты на несколько политических сил, каждая из которых выдвигала собственные институциональные решения и создавала свои органы власти и управления в регионе.

4. Советский период 1924 г. - 1980-е гг. – период институциональной определенности. Этнические группы, имея свою государственность в форме автономий, участвовали в политических отношениях в пределах установленных сверху норм, однако находились в полной политической зависимости от Центра. Приемы конфронтационной национальной политики, в том числе депортации 1944 г. и произвольные изменения границ, не привели к институциональным изменениям, но заложили основы будущих конфликтов.

5. Ранний постсоветский период 1991-1999 гг. – период институциональной неопределенности и высокого уровня этнополитической напряженности, спровоцированный распадом СССР. Характеризовался ростом этнического самосознания, дезинтеграцией центральной и региональной власти и конкуренцией формальных и неформальных акторов за легитимность. Во второй половине 1990-х гг. в результате рационального выбора федерального центра и региональной элиты сложилась «договорная модель» отношений, когда издержки

кардинальных изменений «правил игры» были таковы, что ни один из политических игроков не хотел их менять.

6. Период с 2000 г. по настоящее время – институциональная определенность и стабилизация политических процессов, основанная на реформе федеративных отношений, инициированной центром. На данном этапе была сформирована конституционная федерация с вертикальным бюджетным федерализмом и четкой иерархией органов власти, при которой республиканские исполнительные и законодательные органы и порядок их избрания контролируются из Центра. Все эти изменения проходили на фоне снижения активности этнополитических организаций и движений.

Выявленные этапы и закономерности политических процессов на Северном Кавказе позволяют оценить перспективы политических институтов на Северном Кавказе:

- Глубокая зависимость кризисов региональных политических институтов от общероссийских кризисов и циклический характер говорит о необходимости совершенствования системы государственного управления в целом, укрепления принципа федерализма, модернизации северокавказского социума и интеграции его в общероссийскую систему, на основе развития российской гражданской идентичности.

- Несостоятельность региональных надэтнических институтов и всех исторических попыток их создания «вне России» (Имамат Шамиля, Горская Республика и Конфедерация народов Кавказа) свидетельствует о бесперспективности идеи отрыва Северного Кавказа от России из-за высокой степени разобщенности северокавказских народов.

- Все периоды стабилизации были заданы сверху центральными органами государственной власти, введя жесткие институциональные ограничения и нормы для региональных политических акторов. Без стабилизирующей роли российского государства Северо-Кавказский регион мог бы стать ареной неугасающих конфликтов и столкновений. Вместе с тем, следует отметить высокую степень самоорганизации северокавказских народов на локальном уровне, на котором традиционные способы осуществления и распределения власти демонстрируют устойчивость.

- Современный период институциональной определенности нельзя рассматривать в отрыве от процесса глобализации и кризиса международной субъектности, который провоцирует этнические группы заявить о своей этнокультурной индивидуальности. Этнические меньшинства институционализируют свои политические движения и заявляют о себе на

международной арене через ассоциации, непризнанные государства, террористические организации. Поэтому для оптимизации федеративных отношений нельзя игнорировать или нивелировать этничность.

Список опубликованных работ:

Монографии:

1. Литвинова Т.Н. Институты власти на Северном Кавказе: опыт и уроки политической трансформации. Краснодар: ИС РАН, 2009. – 256 с.
2. Литвинова Т.Н. Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, Germany. 2011. – 290 с.
3. Литвинова Т.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в национальном и международном измерении. Dictus Publishing, Germany. 2012. – 100 с.
4. Социально-политические системы в сравнительном контексте: цивилизации и идентичности / Под ред. А.С. Железнякова, Т.Н. Литвиновой. – М.: ИС РАН, 2013. – 352 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2938> (личный вклад - Раздел II, гл. 3, Раздел III, гл. 4, Раздел IV, гл.2 – объем 4,5 п.л.)

Главы в коллективных монографиях:

5. Литвинова Т.Н. Идея национального самоопределения в ценностных ориентирах и практиках Северо-Кавказских народов России // Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире/ Под редакцией А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М.: Институт социологии РАН, 2010. - С. 174-191. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1807>
6. Литвинова Т.Н. Взаимодействие власти и общества Республики Дагестан // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / Отв. ред. О.М. Михайленок. - М.: ИС РАН, 2011. – С. 151-166.
7. Литвинова Т.Н. Этническая консолидация разделенных народов и диаспор Северного Кавказа в условиях глобализации // Современные социально-политические процессы в регионах России и мира/ Отв.ред. А.А. Киселев. – Краснодар: АНО ЦСПИ «Премьер», 2011. – С.55-78.
8. Литвинова Т.Н. Проблема разделенных народов Кавказа в условиях глобализации // Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации / Под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 291-303.
9. Литвинова Т.Н. Национальное самоопределение без сепаратизма в политической практике северокавказских народов России // Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации / Под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М.: Новый хронограф, 2012. – С.446-473.
10. Литвинова Т.Н. Глава 4. Органы государственной власти республик Северного Кавказа // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / сост. и ред. И.Г. Косиков. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 42-62.

11. Литвинова Т.Н. Институты власти республик Северного Кавказа в контексте развития российского федерализма // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А. –Н. З. Дибирова. – Изд-во «Аспект Пресс», 2015. – С. 158-166.

Статьи в реферируемых журналах из списка ВАК:

12. Литвинова Т.Н. Правовые аспекты трансформации федеративных отношений на Северном Кавказе (процедурный подход) // Право и политика. 2007. №6. – С. 38-47.
13. Литвинова Т.Н. Обучающая игра в развитии профессиональных компетенций студентов-международников // Вестник МГИМО-Университета. 2009. №9. – С.120-132.
14. Литвинова Т.Н. «Информационный джихад» в глобальной сети // Власть. 2010. №9. – С. 116-119.
15. Литвинова Т.Н. Факторы проявления терроризма и экстремизма в Республике Дагестан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №2 (8) Часть 2. с.121-124
16. Литвинова Т.Н. Социально-политические вызовы модернизации на Северном Кавказе// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №4(18). Часть 1. – С. 114-117.
17. Литвинова Т.Н. Этнические аспекты развития федерализма на Северном Кавказе: реалии и перспективы // Политика и общество. 2012. №5 (95). – С. 43-54.
18. Литвинова Т.Н. Национально-культурная автономия как форма самоопределения и политического участия народов России (на примере лезгин) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №7 (21). – С. 115-118.
19. Железняков А.С., Литвинова Т.Н. Этнические аспекты укрупнения субъектов Российской Федерации на примере Восточно-Сибирского и Северо-Кавказского регионов // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. – С. 175-186. (личный вклад автора 0,5 п.л.)
20. Литвинова Т.Н. Формирование российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия (на примере адыгов) // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2012. №3. – С.67-75.
21. Литвинова Т.Н. Чеченская «революция» 1991 г. и ее краткосрочные и долгосрочные последствия // Теория и практика общественного развития. – 2013. №4. С. 44-49.
22. Литвинова Т.Н. Региональные органы власти Северного Кавказа в контексте развития федеративных отношений в России // Власть. 2013. №11. – С. 79-84.

23. Литвинова Т.Н. Этнонациональные движения Северного Кавказа в региональном политическом процессе // Теория и практика общественного развития. – 2013. №9. – С. 235-239.
24. Железняков А.С., Литвинова Т.Н. Цивилизационные и социокультурные аспекты модернизации полиэтничных регионов России // Теория и практика общественного развития. – 2014. №17. – С. 14-22. (личный вклад автора 0,5 п.л.)
25. Литвинова Т.Н. Противодействие враждебной пропаганде сепаратизма и терроризма в Интернете (на примере террористической организации «Имарат Кавказ») // Противодействие терроризму – Проблемы XXI века. – 2014. №3. – С. 21-25.
26. Литвинова Т.Н. Противоречия российского федерализма на примере республик Северного Кавказа // Власть. - 2015. №2. – С. 190-195.
27. Литвинова Т.Н. Особенности институционализации этнонационального движения на Северном Кавказе (на примере лезгин) // Вестник пермского университета. Политология. 2015. №1. – С. 110-122.
28. Литвинова Т.Н. Факторы проявления терроризма и экстремизма на Северном Кавказе // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века - COUNTER-TERRORISM. 2015. №4. С. 29-35.

Другие публикации:

29. Литвинова Т.Н., Царева В.Д. Особенности развития этнополитического процесса и конфликтности на Северном Кавказе // Наука.Техника. Инновации. Регион. науч. конфер.: Тезисы докладов в 5-ти частях. - Новосибирск; 2001. – часть 5. – С. 27-29.
30. Литвинова Т.Н. Этнополитический процесс: анализ и факторы развития // Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества. Материалы III Международной научной конференции. – Вл-к.: Изд-во ДВГТУ, 2002. – С. 104-109.
31. Литвинова Т.Н. Роль национальной политики СССР в развитии этнополитических процессов на постсоветском пространстве//Апрельские чтения. Выпуск V: Сб. матер. V научной конференции Тихоокеанского института политики и права ДВГТУ. Вл-к. Изд-во: «Русский остров», 2002. – С. 110-111.
32. Литвинова Т.Н. Этнополитические процессы в России: особенности развития на примере Северного Кавказа // Экономика, экология и общество России в 21-м столетии. Труды 4-й Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 85-86.
33. Литвинова Т.Н. Роль национальной государственной политики в управлении этнополитическим процессом // Вологдинские чтения. Международная политика и право. Материалы конференции. – Вл-к., 2002. – С.32-37.
34. Литвинова Т.Н. Этнополитический процесс и уровни его управления //Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: Вып.10. – Москва: Студ. союз МГУ, 2003. – С.108-109.

35. Литвинова Т.Н. Прогнозирование этнополитического процесса на Северном Кавказе// Апрельские чтения. Вып. VI: Сборник материалов VI научной конференции ТИПП ДВГТУ (ДВПИ им. Куйбышева). – Владивосток: Изд-во «Русский остров», 2003. – С. 51-54.
36. Литвинова Т.Н. Место и роль этноса в развитии международных отношений// Вологдинские чтения. Международная политика и право. Материалы конференции. Вл-к: Изд-во ДВГТУ, 2003. - с. 29-31.
37. Litvinova T.N. Internal and External Factors of the Ethnopolitical Process // Fifth International Yong Scholar's Forum of the Asia-Pacific Region Countries. Proceeding. Part I. – Vladivostok. – 2003. – P.411-413.
38. Литвинова Т.Н. Применение интерактивного обучения в подготовке специалистов-международников // Апрельские чтения. Выпуск VII: Сборник материалов VII научной конференции ТИПП ДВГТУ (ДВПИ им. В.В. Куйбышева). – Владивосток: Изд-во «Рея», 2004. – С. 87-90.
39. Литвинова Т.Н. Проблемы государственного управления этнополитическим процессом на Северном Кавказе // Россия в глобальном мире. Труды 2-й Всероссийской научной конференции. – СПб, 2004. – С.242-247.
40. Литвинова Т.Н. Этнополитический процесс: факторы развития и способы управления// Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы конференции. Часть III. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос.ун-та, 2004. – С. 59-62.
41. Литвинова Т.Н. Правовые коллизии федеративных отношений в РФ (анализ конституций северокавказских республик) // Государство и общество: философия, экономика, культура: Доклады и выступления /под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. – М.: ЛЕНАНД, 2005. – С. 224-225.
42. Литвинова Т.Н. К проблеме разделенных народов Северного Кавказа РФ //Россия в глобальном мире. Труды 3-й Всероссийской научно-теоретической конференции. – СПб.: Нестор, 2005. – С. 171-175.
43. Litvinova T.N. Ethnic Conflicts in the Russian Federation: Reasons and Classification//Sixth International Yong Scholar's Forum of the Asia-Pacific Region Countries. Proceeding. Part II. - Vladivostok. 2005 – P. 248-249.
44. Литвинова Т.Н. Современная политическая элита Северного Кавказа: проблемы становления // Кавказский сборник. Т.3 (35) / Под ред. В.В.Дегоева. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. – С. 283-300.
45. Литвинова Т.Н. Политический кризис в Чечне (1991-1993 гг.) в зеркале республиканской прессы // Кавказский сборник. Т.4 (36) / Под ред. В.В. Дегоева, В.А. Захарова. – М.: НП ИД «Русская панорама», АНО «Русское историческое общество», 2007. – С. 282-302.
46. Литвинова Т.Н. Представительная власть на Северном Кавказе и Парламент Северной Осетии (изменение состава в ходе политических трансформаций) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва: МГИМО (У) МИД России. 16-17 мая 2006 / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2007. – С. 127-147.

47. Литвинова Т.Н. Представительная власть республик Северного Кавказа в процессе демократических преобразований (1995-2008 гг.) // Четвертые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 12-13 ноября 2009 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб., 2009. – С. 143-145.
48. Litvinova T.N. Divided Ethnic Groups of the North Caucasus: Reasons and Attempts of consolidation // *Ethnopolitical Diversity and the Problem of Tolerance in the Globalizing World*. - St. Peterburg: Norma, 2010. - P. 111-115.
49. Литвинова Т.Н. Социально-экономические факторы проявления экстремизма в Республике Дагестан // *Социальное самочувствие населения современной России*. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. - С. 122-125.
50. Литвинова Т.Н. Разделенные народы Северного Кавказа: причины разделенности и попытки консолидации // *Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации)*. Материалы докладов конференции, проведенной в г.Улаанбаатар (Монголия) 7-8 сентября 2010 г. -Улаанбаатар, 2010. - С. 71-79.
51. Литвинова Т.Н. Проблемы социальной и политической модернизации на Северном Кавказе Российской Федерации // *Этносоциологию – молодым*. Материалы международных школ молодых этносоциологов. Выпуск 2/ Под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 2012. – С. 57-69.
52. Железняков А.С., Литвинова Т.Н. Проблема формирования российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия // *Россия реформирующаяся*. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 367- 384 (личный вклад автора 0,5 п.л.)
53. Литвинова Т.Н. Глава 7. Организационные структуры управления // *Теория управления: учебное пособие для бакалавров* / Под ред. Н.И. Астаховой, Г.И. Москвитина. – М.: Юрайт, 2013. – С. 80-92.
54. Литвинова Т.Н. Российская гражданская идентичность: проблемы формирования на примере бурят // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. – 2013. №4. –С. 130-137.
55. Литвинова Т.Н. Новый поворот идеологии «джихада» на Северном Кавказе: информационное противодействие угрозам // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2014. №4 (8). – С. 124-141.
56. Литвинова Т.Н. Народы Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны // *Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10 – 11 марта 2015 г.)* / В.В. Теплухин (отв. ред.); ВУНЦ ВВС Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина; ФГБУН Институт социологии Российской академии наук. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Научная книга, 2015. - С. 74-83.
57. Литвинова Т.Н. Развитие российского федерализма в условиях постсоветской политической трансформации // *Studia Politologiczne («Политические исследования»)*. Warsaw. 2016. Vol. 39. С. 51-66.

Литвинова Т.Н. Политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности (институциональный подход)

Аннотация

В диссертации исследуются политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности со времени колонизации Российской Империей (XIX в.) по настоящее время и анализируется опыт институциональных изменений в целях поиска оптимальной модели управления полиэтничным регионом.

Выявлено шесть фаз политических процессов на Северном Кавказе со времени вхождения в состав России, связанных с изменениями институциональной среды, которые могут быть описаны в терминах «кризиса» и «устойчивости».

Исторический опыт и политическая практика показывают, что в управлении регионом были апробированы институциональные решения, как на основе «центростремительной» модели (унитарное государство, отсутствие гарантированного участия этнического сегмента во власти, мажоритарная избирательная система), так и «консоциативной демократии» (автономизация в составе федерации, этническое квотирование на региональном уровне, гарантированное участие этнического сегмента во власти). Ни одна из моделей в чистом виде не дает долгосрочного результата стабилизации в регионе, что позволяет говорить о необходимости совмещенного подхода к региональному политическому управлению – укрепление государственности на основе интеграционной центростремительной модели, с учетом специфики региональной политической культуры.

Litvinova T.N. Political processes in the North Caucasus in the context of the development of Russian statehood (institutional approach)

Summary

The dissertation studies the political process in the North Caucasus in the context of Russian statehood development since the colonization of the Russian Empire (XIX c.) to the present time and the experience of institutional changes in order to find the optimal governance model for multiethnic region.

This analysis revealed six phases of political processes in the North Caucasus since the entry into Russian state, associated with changes of the institutional environment, which can be described in terms of "crisis" and "sustainability".

Historical experience and political practice show that the regional political system had applied institutional solutions based on the "centripetal" model (unitary state, the lack of guaranteed participation of the ethnic segment in administration, majority electoral system) and "consociational democracy" (autonomy in the federation, ethnic quotas in regional elections, the guaranteed ethnic segment in the administration). None of these models in its pure form give the long-term result of stabilization in the region. This conclusion approves the necessity of combined approach to regional political governance - strengthening the state based on the integrational centripetal model, taking into account the specifics of regional political and social culture.